

СМЕНА

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания сорок первый
Выходит два раза в месяц

1

(685)

АПРЕЛЬ
1964

МЫ ВСЕ СЕГОДНЯ В НЕБО А ЗЕМЛЮ ЛЮБИМ КРЕПЧЕ И

Дорогие друзья!

После первого полета в космос я увидел много фотографий, которые рассказывали о начале космической эры. Особенно запомнились одна. По Красной площади идет группа молодежи, размахивая огромным плакатом. На плакате написано: "Все — в Космос!"

Я думаю, эти юноши и девушки вовсе не мечтали забросить свою земную лопу и стать космонавтами. Космос стал для них символом вторжения в новое. Символом познания неизведанного. Символом борьбы за осуществление коммунистических идеалов.

С тех пор прошло три года. Но и сегодня, в День Космонавтики, мне хочется показать читателям "Смены", всей советской молодежи: вторгайтесь в "Космос" химии и кибернетики, математики и астрономии, электроники и физики; в "Космос" промышленности и сельского хозяйства.

Пусть вашей лунной звездой будет ладья познаний, каждая труд, каждая открытий!

Пусть движком всех ваших для земных судет: "Все — в Космос!"

Татарин В. Татарин

Олег ДМИТРИЕВ

РАБОЧАЯ ПОРА

*Мы трудимся
навстречу звездам.
А. Платонов.*

Сегодня люди в небо влюблены.
Мы задираем головы — гордимся:
«Сначала доберемся до Луны,
А там уже и к Марсу подадимся!»
Великая Вселенная!
О ней
Поэты говорят проникновенней,
Ученые толкуют все точней,
Фантасты пишут все обыкновенней —
Спокойней, деловитее:
Пора
Вопросы быта и трудоустройства
Решать,
Пришла рабочая пора,
И маловато одного геройства.
Поскольку космос будет заселен
Летащими в пространстве городами,
Пусть будет у людей досуг и сон,
Чтоб развлекались и не голодали,
Чтоб жили в пустоте, да не одни.

ВЛЮБЛЕННЫ, СИЛЬНЕЕ !

Чтоб в тесноте, да вовсе не в обиде,
Чтоб знали, что и тут, вдали,—

Они
На общечеловеческой орбите!
И станет в недалекие года

Нам космос чем-то вроде Заполярья,—

Там в ледяной пустыне города
Веселыми огнями запылали.

Короче, нас не очень удивит
Открытий новых плановая масса,

И будет по-шоферски деловит
Румяный парень, мчащийся до Марса.

Когда Луной проедет беззвезд,
Завихрявая серые металы,

Мы улыбнемся, знающий народ:
«Ну, а чего бы вы еще хотели!»

Мы — те, кто в самый яркий день,
Весной, Почти не веря, восклицали:

«Чудо!»

А человек был рядом —

Шар земной

Увидевший, товарищи,

О Т Т У Д А...

И мы еще не знали, что века

Стоят за ним торжественно, незримо,

Что протяженность первого витка

Непостижима и неизмерима!

Мы в этот день наудивлялись власти

Подробностями первого полета.

Сейчас не то —

Работа началась.

Нам жалко тратить времени —

Работа.

Но в этот лучший из весенних дней

Мы, люди, как великие поэты,

Почувствовали глубже и полнее

Всю красоту родной своей планеты.

Шло от земли зеленое тепло:

На остриях травы вздымались почвы,

И листья раздвигали тяжело

Тугие, полированные почки.

В дрожании ветвей, в качанье льдов

Угадывался вдруг приход

Упругия,

Как солнце, обжигающих плодов,

И, как Земля, тяжелых и округлых.

Мы ощущали летнюю листву,

Измученных ветвей переплетенья,

И — яблоки, что падают в траву,

Подвластные законам тяготения!

А мы теперь могли наоборот —

Преодолея земное притяжение,

И слышали:

Вселенная зовет,

И нам простирая руки для сближенья!

Но, руки протянув другой звезде,

Земля должна стать лучше и моложе —

И в нашем самом будничном труде

Прообраз удивительный заложен

Ее преображенного чела:

На нем пустынь морщины исчезают,

И никакие пепел и зола

Его высокие черт не искажают!

В космические дали выходя,

Земле скорее отрешиться надо

От радиоактивного дождя,

Бактериологического града,

Глухих воронок пустоты рябой

И проволоки черной и колючей,—

И быть зеленой, алой, голубой

Планетой —

Самой доброй,

Самой лучшей!

Вот так тогда мы поняли весну

В разгаре апреля,

И в месяце самом,

И скрытую доселе новизну

В ее движенье каждом усмотрели.

И потому еще точней сложили

И правильной

Вдали увидеть все мы —

Сквозь чистое дыхание земли —

Родные звезды солнечной системы...

Такой ни разу не было весны,

И ни разу не было зимы!

Мы все сегодня в небо влюблены,

А Землю любим крепче и сильнее.

17 апреля—70 лет
со дня рождения
Никиты Сергеевича
Хрущева

ВСЕГДА

С НАРОДОМ

«Народ—решающая сила строительства коммунизма. Партия существует для народа, в служении ему видит смысл своей деятельности».

(Из Программы КПСС)

*Никита Сергеевич Хрущев
в рабочем кабинете.*

*Выступление Н. С. Хрущева
на XXII съезде КПСС.*

«...он замечательный руководитель, обладающий исключительными качествами руководителя; я восхищаюсь талантом его способностями, которые проявляются во всем. Кроме того, его ум сочетается с другими необходимыми для руководителя качествами — юношеским задором, юношеским духом, большой энергией, неутомимостью... Он физически сильный человек, очень выносливый — и это, на мой взгляд, помогает ему нести на своих плечах груз работы, помогает ему справиться с большими задачами, стоящими перед ним, как перед Первым секретарем ЦК КПСС и Премьер-Министром Советского Союза».

(Из выступления товарища Фиделя Кастро по Московскому телевидению 21 января 1964 года)

Существуют события, настолько отделенные друг от друга толщей времени, что порой не сразу удается увидеть связь между ними. Бесплодная, тревожная, полная драматических и радостных событий давняя лет прокатилась по планете. Кажется, могучее течение должно было унести из памяти давно прошедшее. Но нет, властно встает перед глазами то, что, пройдя сквозь время, яркой страницей навсегда вписалось в нашу жизнь.

Это было в первую годовщину становления нашего социалистического государства. В столице состоялся парад. Радио в те дни не существовало. На Красной площади было воздвигнуто несомненно дощатых трибун и ораторы, переходя с одной на другую, обращались к народу. Среди выступавших — Владимир Ильич Ленин. Этот тот кошмар парад, прошла демонстрация, и сразу же на площади началось «израгодное действо» — инсценировка, полная глубокого смысла. На бумажную мольбу на ходулях, разряженный и гудящий, вылезает «его прелюбохание» Капитал в сопровождении верных своих слуг. Поднимают перед ним Генерал, Помещик, Поп, Шлиш и Минюванки. Тут на встречу старой России поспешают Рабочий и Крестьянин. Они требуют у господ земли, фабрик, хлеба. Капитал вызывает белоназавок, и те обрушиваются на рабочих-крестьянскую власть.

Неожданно со стороны Спасных ворот влетает Красная коница. Она сбрасывает с ходуля ненавистный Капитал, грозит его слуг. Торжествует Революция. На площади появляются Борючки. Они торжественно шествуют за сохами, в которые впряжены худющие клыки. А на встречу, пуская силье клубы дыма, вылезает Давосбыш; в нем Рабочий. За вышкой движется на больших колесах трактор — вероятно, единственный, который сумел развезать в те годы в Подмосковье. На тракторе поют: «Вереница, соха, трактор идите!».

1918 год... Прерасное и полное исторического смысла «единство». Как глубоко его значение! Как велика народная сила, до предела спрессованная в этой символической сцене, запечатленной перед ленинским взором!

А ведь именно в те дни где-то впереди уже вставали еще незримые стурья военные походы гражданской, еще не прудсмотренные годы нзла. Дымилась труба первенцев пятилетия, грохотала Великая Отечественная. Торжествовал не только победный союз рабочих и крестьян, но торжествовала и миллионный трактор, вышедший из поля. Торжествовали принципы, идея, цель!

Где же искать ее — силу предвидения и победу? В чем она, пришедшая и нам почти сквозь пологую толстота? Невольно припоминаются прочитанные недавно, полные тревоги и растерянности слова известного американского философа Джеймса Ходжсона, опубликованные в газете «Вашингтон пост энд таймс геральд». Они как бы отвечают на поставленные вопросы.

«Властитель немецкий философ, сидя в Британском музее, разработал могучую социалистическую философию. Мы, конечно, имеем в виду Карла Маркса. У него не было ни единого танка, ни единого разбитанного самолета или ракеты, и тем не менее его обширные ученые труды являются в настоящее время основной силой, угрожающей Западу. Мне кажется, что глубокое убеждение господина Хрущева в окончательной победе коммунизма вытекает из трудов блестящего мастера идееи».

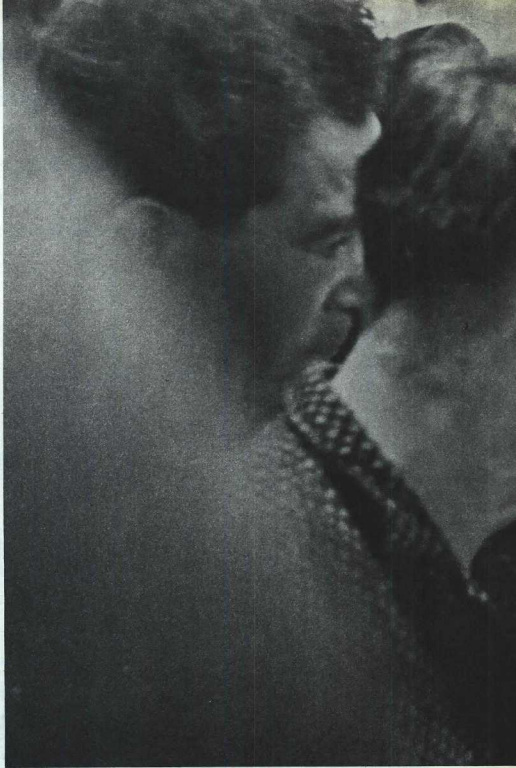
Четыре с половиной десятилетия назад коммунизм представлялся людям, собравшимся на Красной площади, призрачным и далеким. Теперь же мы твердо знаем: коммунизма не за горами.

В 1953 году состоялся исторический сентябрьский Пленум ЦК КПСС, от которого берут начало огромные преобразования во всей жизни нашей страны.

Важно вышедших десяти с лишним лет в том, что партия, восстановив ленинские нормы во всех областях жизни, вызвала в народе небывалый трудовой подъем, неизданный десяте десят лет ничиндства и ардословения. Мы приступили к развернутому строительству коммунизма. На языке цифр это означает: мы получили за последние десять лет 8500 новых промышленных предприятий. Страна приблизилась к степной электрификации и дала старт Большой химии. Диаграмма общего подъема советской экономики как бы венчается славными победами наших космонавтов.

Да, через труд, радостный и творческий, пролегал дорога и прерасное Завтра. Именно об этом и говорит Никита Сергеевич. На этом пути встает новые и новые задачи. И если когда-то Владимир Ильич говорил, что коммунизм — есть Советская власть плюс электрификация всей страны, ныне партия дополнила эту историческую формулировку: плюс химизация народного хозяйства.

В осуществлении планов коммунистического строительства велика роль комсомола, всей нашей молодежи. К ней не раз обращает свои слова Никита Сергеевич, идя в советских юношах и девушках «промышленов» отцов и децов, творивших революцию и в далекие годы уверивших с высоты Красной площади зарю будущего рассвета. Советская молодежь хорошо помнит выступление Никиты Сергеевича на XIV съезде ВЛКСМ. Он открыл перед молодым поколением величественные картины бу-

Никита Сергеевич беседует с рабочими Ярославского шинного завода.

Н. С. Хрущев у хлеборобов села Калиновки.

Фото А. Гостева, С. Раскина

«КАК ОБРАДОВАЛСЯ БЫ НАШ ДОРОГОЙ ВЛАДИМИР ИЛЬЧИ, ЕСЛИ БЫ ОН... УСЛЫШАЛ О ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДЕЛАХ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ. СЕГОДНЯШНИЕ КОМСОМОЛЬЦЫ—ВНУКИ ИЛЬЧЫ—ОПРАВДАЛИ ЕГО НАДЕЖДЫ»

(Н. С. ХРУЩЕВ. Из речи на XIV съезде комсомола.)

дущего, о котором в дореволюционные годы молодые люди могли только мечтать.

В ту пору молодым приходилось думать о том, как бы не остаться без куска хлеба. Инициативу в юности самому пришлось брать в Калиновке. В пятнадцать лет он стал учеником слесаря в Донбассе. В цехах и на шахтах проходил суровые жизненные университеты, постигал законы классовой борьбы, учился любить друзей и ненавидеть врагов. Молодой рабочий с головой ушел в революционную борьбу, разжигая пламя забастовки, вел друзей на митинги, распространял ленинскую «Правду». А когда пришел час революции, стал во главе Рутченковского Совета и ревкома. Н. С. Хрущев с оружием в руках защищал Советскую власть, вел в атаку ручейниковских рабочих; комиссаром батальона шахтеров Донбасса сражался в окопах Царицына и комиссаром прошел с 9-й армией легендарный путь от Дона до Черного моря...

Партия направила комиссара в Донбасс: Ленин призвал шахтеров восстановить всероссийскую уголегарнию. И она была восстановлена.

Всюду, куда бы ни посылала партия Инициату Сергеевичу Хрущеву, он становился подлинным организатором,

руководителем, не отделявшим себя от простых людей, а своим горячим участием в работе административных их на трудовые подвиги. Таким знают его все и на партийной работе, и на боевом посту в годы Великой Отечественной войны, и сейчас, в период развернутого строительства коммунизма. Неугомонный борец за мир, за счастье всех людей земли, Инициату Сергеевич Хрущев по-прежнему, тысячами нитей связан с народом.

Наша славная комсомолка, все советское молодое под руководством Ленинского ЦК партии идет в первых рядах борцов за внедрение всего нового в промышленность, сельское хозяйство, за повышение благосостояния народа. Ведь битва идет сегодня за близкое и родное: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Этими знаменательными словами завершается текст Программы Коммунистической партии. Партии, сумевшей сквозь годы труда, борьбы и побед пронести высокие идеалы нового общества. Контуры этого общества наметил Маркс, первые шаги его становления направил Ленин, а завершить строительство воплотил часть нашему поколению. Есть ли еще более высокие цели, более благородные задачи? Нет... Наши цели — высокие цели человечества!

о утрам вместе с приливом на город начинают запах рыбы. Запах клубится вместе с туманом от порта, где на каждом парадже возле обогравельки валится самый что ни на есть деликатес — морской ерш, и от рыбкобинга, где обрабатывают треску, сельдь, морского омуля и зубатку. Рыбий дух смешивается с дымом из труб. И в каждой точке общественного питания, на буфетных стойках во фруктовых вазах — хек сервированный, ниша и снова треска. Не та треска, которая потом уже гастрономически обработанная, очень дешево продается в магазинах южных городов, а треска прямо из моря, еще хранившая привкус крови.

Утром на рыбных заплатах полон весь Мурманск — от последней остановки трамвая до Зеленого моря, потому что, если не считать эшелонов с апатитом, который перегружают на пароходы в торговом порту, все в Мурманске живет рыбой.

Мы с художником Виктором Савостьяновым, посетив несколько дней головокружительно-восходящим и спуском по инстанциям, получили наконец свободные судовой роли. Теперь можно спокойно отправиться на причалы и выбрать, любите ли отходящих на промысел суда.

Кавалет Голубев, секретарь комсомольского комитета Третьякова, разложил перед нами все суда — покосовые, промысловые и спорно-исследовательские. И выдвигает восемь комсомольско-молодежных. И у нас в недоверчивом изумлении разбежались глаза. В конце концов было решено: я иду в рейс на «Чите», рыболовецком судне «РТ-19».

ВТОРАЯ МОРСКАЯ

Капитан Иванов, вздохнув, сказал вахтенному штурману: — Ну что ж, дай три гудочка, Олег Семенович. Попрощаемся!

Из свистка вонзает горла трубы вырываются клубы пара с фонтаниками воды. Свисток издает потресканным совсем несильным звуком — какой-то ценящийся визг. Потом звук густеет, и повисают над залповым три сосредоточенных долгих гудка. Звук падает в залива один за другим, и вот уже снова вокруг нас и над нами глухая, загадочная тишина.

— Так. Право помалу.
— Есть право помалу.

И эти слова отсекают от нас тумано на девятнадцать суток.

Ня проснулись: за переборкой толк постукивают травер. Ваера — это такие трюсы, буксирующие травер. Раньше я так же вот проснулся от глухого гудения вавер и бежал на палубу смотреть, как поднимают травер. В первый день рейса, наверное, выбежали все, потому что на палубе было слишком много народа. Спорили, что будет в кошеле — вологодская тонна, гвардейская или колесная, то есть ровным счетом ничего.

— Это всегда, как только выходишь из залива и тралится гда-нибудь у Кильдина, народу полная палуба,— говорил старпом Лева Тумбасов.— А потом только вахта. Ну и подвахта, если поднимем полный кошелек.

Когда приходил полный кошелек, этак тонна на 7—8, хрюкал на палубу сразу и не поднимешь, потому что весь травер повелит и черту и надо делить кошелек,— тогда лицо капитана Иванова сваетлеет, и он только для порядка покрякивает на трамлейстер Борю Борисова, чтобы быстрее работала вахта, и сам ласково и увещательно обращается к вахта через рупор, прозванный на флоте «капотомойщиком».

— Ну-ну, ваиса, ребятам!

А трамлейстер поднимает к рубке усталое и все равно веселое лицо и хрипло кричит капитану:

— Все будет тип-топ, Павел Иванович!

Но вообще-то нам не очень везет. Таких кошелей, чтобы делить сразу на три, почти не попадается. А так все — на тонну-полтонны. Капитан обычно шмыгает носом, и каютгазильер стоит и угуло воле обогравельки. Капитан в эти минуты присутствует на судне как бы абстрактно и не вмешивается в распоряжения вахтенного штурмана и трамлейстера. Сейчас уже достаете сутки рейса, и на палубе действительно только вахта.

Вздымает море за переборкой, и горбятся волны, нахально заглядывая в иллюминатор. Я поворачиваюсь на другой борт и вахта старшего помощника, и меня продолжает уживать Ледовитый океан.

Когда мы только вышли из залива и прощились из конца в конец по Рыбачий банки, все было ничто. Наш траулер переваливался с борта на борт и с носа на корму, по палубе с шелестом рвущейся бумаги носились волны, катя вперед себя куски гвля и окровявленные рыбы головы. Капитан выставил за омы ветром, и ветер накрутил семь баллов. Капитан Иванов с интересом понаблюдал в мою сторону.

— Так все еще не было морет Ну, все. Теперь порядок. Морет.

И помолит Баранов, Василий Никифорович, осуществляя над мной заботливый контроль. А я подставлял грудь ветру, дышал озоном, соленой пылью и расквашивал на палубе в тент волнам. Я уже почти поверил, что может быть, а самок дель стал моржком. И вдруг как бумба и ветер стал поменьше и волны пореже, а меня потонуло подальше от людей, в каюту, в койку с высоким бортом.

Но и ментал о кровати — кровати с большими медными шарами, утирающиеся четырьмя ножками в плоскую землю. Я думал, что в кровати с шарами умирать как-то приятнее. Я уже почти поверил, что может быть, а самок дель стал моржком. И вдруг как бумба и ветер стал поменьше и волны пореже, а меня потонуло подальше от людей, в каюту, в койку с высоким бортом.

Об этом начинаешь думать, когда просыпашься под гуд ваверов и одна морская болезнь закончилась, а вторая только начинается. Ты начинаешь понимать, что все, что сейчас случится там, на палубе, приказы к морю этой второй морской болезнью. Что болезнь эта уже не отпустит человека всю жизнь и на берегу вдруг возьмет его за глотку тяжелой тоской, каменью, выведет в океан на первой попавшейся посудине, подвя вместо паруса собственную рубку. Вот тогда любовь и все скупотные блага на ней начинаешь злить по-новому — только через море.

ОТДАТЬ ВАЕРА СО СТОПОРА!

Ветер по морю гуляет и корабль подгоняет. Он бежит себе в волнах — 800 лошадиных сил, 1250 тонн водоизмещения, 450 тонн грузоподъ-

емности. Ночи нет, только бело-розовая неровная полоса заката, как зефирные тальки в детстве, на два часа скрывает солнце. Только чайки здесь кажутся серыми. Будто грелись дымком за трубой нашего траулера; потом я узнал, что это совсем не чайки, что провозжали нас в заливе, а самые настоящие буревестники.

Капитан встал в рубку, мельком взглянул на карту и сказал, что тралин им сейчас в самом центре Баренцова моря: в 120 милях на юрд-вост — остров Надежды, дальше — Западный Шлиппберген, и до Мурманска — около пятисот миль. У нас все идет по четкому курсу расписания. Берега словно никогда и не было, словно наш траулер «Чита» поднялся из глубины, стаянул с себя им и тынул и начал ловить треску.

Вчера мы пересекли 75-ю параллель и пошли дальше, на юрд. Первая вахта подняла на борт шесть акул. Акулы, расшатавшись, лежали на палубе. Их синие тела колыхались, как студень. И вообще вахта лезли в трал сплошные деликатесы: скаты и акулы. А когда из трала валит деликатесы, капитан Иванов начинает говорить, о науке делания и покосовых приборах, которые ни черта не пишут.

— Гайдай! — кричал вчера в рупор третий штурман. — Вырешь акулу гляди, пусть корреспондент подарит этакимой девушке ожерелье. Я и сам спускался на палубу, ослепленно глядя акулу ногой, пароварочная на спину, и вырезал ножом нижнюю челюсть. Акулы челюсти рыбаки посылают родным и знакомым, и гда-нибудь в Молдавии или в Винницкой области совершенно точно покончат на комоды зубастый дар Баренцова моря.

— Треска идет хорошим ассортиментом,— как бы про себя говорит наш капитан, тралжив по рубке.— Но когда в каждом трале по три-четыре акулы. Много морских зтих зверюшек. Так и докладывал наш капитан полным голосом на промысловом совете: «Вчера вытнули шесть акул». Но за сутки команда все-таки подняла на борт еще 12 тонн трески того самого хорошего ассортимента.

Промысловый совет утром и вечером слышен во всей средней части корабля. И через пустынные мили как будто видишь всех капитанов, чувствующих их настроение, даже характер и темперамент.

— Алло! Алло! Штыдестя шейной говорит. Подняли мы тут кошелек тонна на две с половиной. Идем на зюйд-вест.

— Сто восемьдесят шестой продолжает спускаться. За три часа травления — полтонны плюс коула. Рыба стала гастрономическая: зубатка, ерш, влпоть до окуна.

Радиоволны со всех траулеров собираются к 177-му и отскинают от него. А там, в радиорубке, капитан-наставник Алексей Григорьевич Михайлов говорит сегодня усталым голосом:

— Ну, обстановка скисла. Плохо помогают наши ученые мужи. Вот говорили, что на Гусинке нет, а там подняли восемь тонн. На Гусинке बात — это значит труд, сутки обратно — не имеет смысла. И нервы уже на исходе... Но, в общем, мобилизуйте нервы,— спохватываясь капитан-наставник.

Море словно сдвинуло в одно место суда, и капитаны будто сидят, стеснившись в одной каюте и покуривают, и пьют чай, обсуждая свои промысловые дела. А на горизонте ни одного корабля, хоть весь горизонт обьарь биноклем. Наверное, мы забрелись выше всех.

Степенно паровариваются капитаны. Из рубки видно, как солнце пробивается в антрацитовых волнах за бортом и над палубой колыхается пар. Мы тихонько идем курсом юрд-вост 337, но кажется, не дойдем до Западного Шлиппбергена: рыбы мало, и времени уже мало.

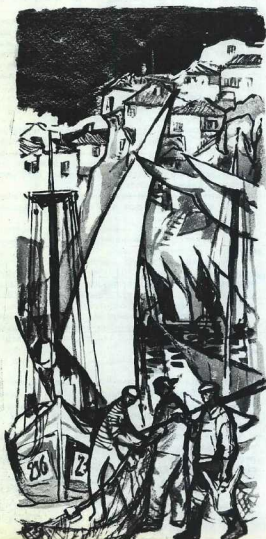

Владимир СОЛОУХИН

СЛАВЯНСКАЯ ТЕТРАДЬ

(ИЗ ОЧЕРКОВ О БОЛГАРИИ)

Казанлыкская долина, розовые плантации.

Рыбки Сопоты.

ПУТЕВЫЕ
ЗАРИСОВКИ
А. ТАРАНА

Родопы. Чешма у дороги.

Чешма

Есть в Болгарии понятие «чешма». Пока мы ездили по стране, в гущу народа, особенно в Родопском крае, всюду слышали и сами говорили «чешма». А потом друзья объяснили, что на подлинно болгарском языке чешма — это водолей. Практически, конечно, бытуют оба слова — и пришлое от турок и отечественное, так же, как у нас, к примеру, есть одновременно порт и пристань; парк и сад; придорожная и вестибюль; шоссе и дорога; пилот и летчик.

Правда, в случае с чешмой, я думаю, не только слово пришло от турок, но и само понятие и сама чешма как таковая.

Дело в том, что точно также чешмы, я но множестве встречал в Албании, тоже входившей некогда в состав Османской империи. Говорят, много их в Греции и Югославии. И в самой Турции, разумеется. У нас встречаются в Армении, в Азербайджане и даже в Грузии.

Может быть, все дело в цене воды в тех местах, которые я только что перечислил. В цене на базарной, но для путника, застывшего на каменном пути в полдень, иссушающей зной.

Теперь, когда мы едем по дороге со скоростью 70 километров в час, имея к тому же в автомобиле термос с ледяной водой, чешмы попадают к нам через каждые полчаса.

Они не имеют для нас вроде бы никакой цены, хотя все равно приятно остановиться возле родниковой струи, охладить лицо, руки, сменить воду в термосе.

Надо представить себе путника, едущий в лучшем случае на лошадаз, а чаще всего либо на осликах, либо идущий пешком; надо представить себе, что не ходил по дорогам путника вовсе уж нелегко, но обязательно — мвешок за плечами. И дорожная пыль, и южный зной, и жаром пышущие раскаленные камни, и одежда, прилипающая к телу, и пот, струящийся по лицу, и щекотание глаз, и до боли, до ожогов натруженные ноги... И вдруг чешма! О! Пожалуй, это была самая большая радость, которую человек встречал в пути.

У нас в Средней России тоже немало ведь родников, выбивающихся из-под земли, а потом струящихся ручейками. Зеленая, жирная осека вокруг такого родника — топкое местечко. Та же осека укажет, вытнувшись полосой, в какую сторону считать, тмет по земле родниковая вода. Иногда, если нет близости реки или колодца, и у нас обделают родничок, облагородят его, обнесут срубом, хотя бы в три венца, или

обложат камнем-голышом, но не везде и не часто. В наших в общем-то влажных и прохладных местах нет такого культа воды, как в южных странах.

Так, если недалеко от дороги бежит ручеек (пусть даже и удалено от дороги), его подводят, заключая в трубу. На дороге свяжут на ребро каменную плиту, иногда и мраморную. Сколо плиты — каменные или мраморные корытки. Из плиты, в двух или трех отверстиях, льются струйки воды толщину так примерно в палец. Они падают в корытки, наполняют его. Из корытки через край вода переливается на землю. Ручеек, совершая незвольный изгиб и предложа свои услуги водопользователю, продолжает незамысловато путешествовать. Каменная плита с водой, струящаяся из нее, и есть чешма, или водопей.

Если человек под старость скопил немного денег, то он высиживает благом и долгом почитает соорудить чешму на дороге, чтобы люди пили и помнили о нем вечно, пока течет по земле вода и ходят по дороге люди. А чтобы лучше помнили, надо сделать чешму красивой, оригинальной, еще лучше украсить, вырубив на камне кеку-нибуду или надпись. Один напишет свое имя, другой присовокупит к этому пожелание «Блага на здравьи», третий начертает слова некие: «Русские астаны на родине, где вы пролетели. Пейте во здравие моих родителей, которые любили эту песню!»

В деревне Мериане, знаменитой своей старинной народной арлегарью, сколо черкнет стоит беломраморная чешма. На нее в две колонки начертано стихотворение, датированное 1767 годом. Вот о чем говорится в стихотворении как бы от имени самой чешмы:

На вершине старой горы
С вечных времен
Течет обильный родник.
От того щедрого источника
Вышло Хадра Немца
Привел маме вода
Сто пять лет назад.
Через пятьдесят лет подювину меня
Его три сына: Пенко, Васил
И Геодор — старший сын.
Потом их сыновья: Дмитрий, Стефан
И Перехиль —
Провели третий путь
На павата о своем отце и дедушке.
Награда их господю
За добрые дела,
Достойные похвалы!

На горе Витоше я видел чешму, которую устроил некий Кривста. Устроив, оставил и медный ковшак на тонкой цепочке. На ковшике написал: «Кто принесет этот ковшак к себе домой, того постигнет страшная болезнь».

Так и висит ковшичек, может быть, сорок лет, может быть, пятьдесят. Одним словом, каждый старается как может. В одном селевине на чешме написаны имена сельчан, вышедших в люди: тот — доктор, тот — художник, тот — профессор, тот — полковник или даже генерал.

Подаются совсем новые чешмы, сооруженные из серого бетона. На них либо изображена звезда, либо написан какой-нибудь лозунг, например, призывающий к соревнованию с соседним районом, либо к повышению производства мяса, табака, винограда, кукурузы. Каждое время кладет свою незначительную печать.

Становився признает, что он уже скопил денюжком и тоже хочет строить свою чешму. Место обособлено дано по дороге на Смоляк. Нужно будет пригласить архитектора, художника, садовода-дендратора. Вся чешма с художественным оформлением обойдется будто бы в пятьсот рублей, если перевести на наши деньги.

Какая прекрасная, какая благородная традиция!

Голубая роза

Когда турки завоевали столицу Византийской империи Константинополь, им в руки достался и первый по значению православный храм — знаменитая Святая София. Турки решили сохранить великолепное здание Святой Софии, перекрасить его в мечеть. Султан, между прочим, приказал сменить все здание розовым маслом, чтобы, зная, уж какое не пахло никаким православием. Где-нибудь можно найти (я теперь забыл), сколько бочек или тонн масла понадобилось для этой санитарной символической процедуры.

Я вспомнил об этом на опытной станции под Казанью после того, как сотрудничая станции на прощание дала мне десюток бумажки величинной с ноготок мажиджа, напуга на него (вернее, похвасте стеклянной палочкой) розовым маслом.

Бумажку надоело спрятать в карман, чтобы в течение нескольких дней там, в кармане, держался драгоценный аромат. Восточная посылочка

гласит: «Имеющий мускус в кармане не кричит об этом: запах мускуса говорит за него».

Именно бумажек-то, чуть-чуть смазанная розовым маслом, и нетолько мне на соросахаление. Если у вас такая капля розового масла кажется драгоценной и чуть-чуть перемалсит бумажунку считается расточительством, каков же был размах у турецкого султана, омывшего маслом самое грандиозное здание Константинополя!

У каждой страны при всем богатстве или, скажем, при всем разнообразии розового масла и розже особенностями всегда найдется кива-нибудя особая особенность. Ну, там, допустим, русская роза, французское вино, австралийская шерсть, испанская селедка, финские лыжи, норвежские рыболовные корабли, немецкая оптика, венские вальсы, италийские песни... В Болгарии же — розовое масло. Оба раза я был в Болгарии осенью (в последний раз на грани осени и зимы) и, разумеется, не видел знаменитой Розовой долины в ее полном, цветущем, благоуханном блеске. Больше того, когда мы спустились с Шипкинского перевала вниз, к городу Казанлыку, долина оказалась припрятанной первым (очень временным, впрочем) снежком. Какое уж тут розы! Все же нельзя было совсем не поинтересоваться, проехать мимо.

Вот сотрудничая опытной станции и показала нам ноготками дядя, занятые под розовые плантации. Кусты растут ровными, убогающими идаль, раздвигая, как, скажем, чиб в Грузии, или как росла бы черная спирея.

Надо заметить, что пышно цветущие декоративные розы, так сказать, розы-аристократы, а их ведь сотни сортов, почти совсем бесплодны с точки зрения розового масла. Казанлыкские розы — роза-скрипачина, роза-трувунджа — да, очень часто бывает в жизни: либо розочка, либо польза. Напомнил об этом, я вовсе не хочу принизить кива-нибудя одну сторону. Каждый из нас ни разу, может быть, не видел, не держал в руках ни грамма розового масла, но страдал от этого, но десятки и сотни раз наслаждался красотой цветов. Мне, во всяком случае, легче представить мою жизнь без эвеновойти жидкости, заключенной в стеклянный сосуд чем без мудрого разнообразия цветов на земле, без их облагораживающей красоты. Отдавая долгие весьма полевой казанлыкской розе, не будем упрекать желтые, чайные, магровые, черные, белые и прочие розы за то, что они «неадекватно эфирносыны», за то, что существование их на земле в некотором роде похлывает туманджидом, и пора бы заставить их производить розовое масло.

Тут я говорил про розу «что» вместо «что», то есть как если бы про одушевленный предмет. Это говорил я под влиянием сотрудничая, провозглашая, под влиянием ее отношения к розе. Сотрудница, например, говорила:

— Когда роза цветет, она чует, чтобы в воздухе было много влаги. Особенно ей нравится туманное утро. Поэтому наша казанлыкская роза цветет с конца мая до двадцатого июня. Свои бутоны она раскрывает рано утром. Надо обрезать лепестки до восхода солнца. Потом масло начинает улетучиваться. Вы же знаете, как сохнут розы на солнце.

Обрезают розовые лепестки только руками, никакая механизация невозможна. С одного гектара мы собираем две с половиной тонны розовых лепестков (вот это сырьё!); из трех тонн лепестков мы получаем один килограмм масла; один килограмм масла стоит пять тысяч левов (около шести тысяч рублей на наши новые деньги). Розовое масло идет исключительно на экспорт.

Сначала производили исключительно розовую воду. Она идет в медицину, в кондитерскую промышленность, в косметику. Потом заметили, что на розовой воде плавают капельки масла. Теперь вода — вторичный продукт.

На станции изучают болезни роз, вредителей, агротехнику. Собственно, есть две главные проблемы: по-первых, зачем и где образуется масло и, во-вторых, каким способом получать его побольше. Я не уточнял, но кажется, что вторая половина вопроса решается успешнее первой.

Аппаратура несложная, переносная: котлы, трубы, пар и его охлаждение, капельки драгоценной жидкости. Теперь, в декабре, аппаратура бездействовала.

Когда происходило вручение упомянутой мной лоскутка бумажки, разговор расширился, захватив аромат эстетическую сторону розового цветка. Я вспомнил о том, что садоводы, как ни быются, не могут вывести голубого сорта розы. Сотни, многие сотни оттенков и сортов, а голубой не дается в руки, разжигая азарт, возбуждая энергию любителей.

— У нас есть голубая роза — возразил мне девушка.

— Не может быть!

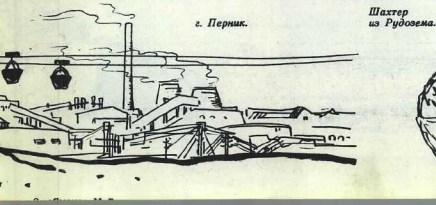
Почва подо мной заколебалась. Дело в том, что на этой голубой розе, вернее, на невозможности вырастить ее, я построил одно свое стихотворение, вычитывая его с былоею жаждой.

— Ну да — убеждала девушка — есть голубая роза.

Мы подошли к кусту. Но роза теперь не цвела, и наш спор никак не мог бы решиться. Но тут вспомнил, что на станции есть альбом. Скорее раскрыли его на нужной странице.

«Вздок обвинения вырвался из моей груди — как написали бы в старинном романе. Роза была вовсе не голубой, а сиреневой, лиловой, скорее даже фиолетовой».

Хорошо, когда побеждает романтизм!

Шатер из Рудозема.

Сельская уличка.

Р. ДАНЕЛЯН
Фото В. ПЮКЕЛЯ

Этот парнишка твердо решил стать гонщиком. Словно он влетел в сузроб. А завтра... На пьедестале почета поднимаются только смельчак.

О и стоял на пьедестале почета, стараясь выглядеть взро-сле и серьезно, как это и подобает чемпиону Европы, а ледяная дорожка все бела-ла, белала куда-то назад, под колеса, и рывок двигателя заглушил шум оваций. Вот и поставлена эта последние точка: он, Габдрахман Кадыров, 22-летний студент на Уфе, стал лучшим на континенте мотоциклистом на льду.

А в этот момент там, внизу, в толпе аплодирующих, человек, парня мото-рым Габдрахман по-настоящему про-нахонился, говорил окружающим его журналистам:

— Победа Кадырова заслуженна и бесспорна. И если говорить о ледя-ном — в том, что он уфимец.

Там сказал заслуженный тренер СССР Владимир Иванович Карнеев, а он не привык бросать слов на ветер. И действительно, Кадыров, Дубинин, Дудорин, Саморидин — все четверо призеров чемпионата Европы воспи-тана в столице Башкирии, доселе не славившейся спортивными «свердами».

Все мы как-то свыклись с тем, что «большой спорт» представляют боль-шие города. Остальным же отведен скромный удел подыгрывающих. А тут наруу. Уфа становится подлинной сто-лицей чьего вида спорта — мотоцик-летного, со своей школой, тренерами, плеядой талантливых гонщиков.

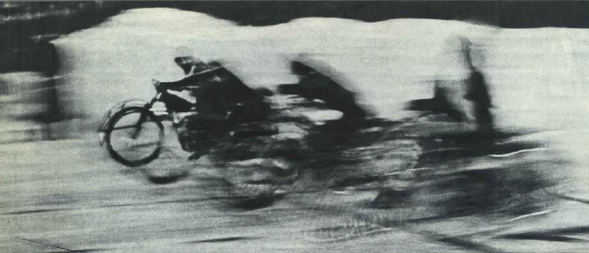
Многим можно рассказать о самоде-ятельных уфимских мотоциклах, о треках, построенных энтузиастами во время воспресинков, об Анатолии Ва-лабанове, управляющем 3-м уфимским стройтрестом. Это он главный за-стрельщик мотогонки на льду в Уфе.

В общественном мотоспортивном конструкторском бюро 3-го уфимского стройтреста (это тоже детиче Бала-банова) в обычной папиросной короб-ке хранится интереснейшая коллек-ция. В ней собраны мотоциклетные шипы, без которых невозможно ичаты-ся по скользкому льду. Еще несколь-ко лет назад спортсмены руководство-вались принципом: не синулся на шипы, ставь их как можно больше. Но вот однажды Борис Саморода зау-мался: каждый шип весит около 25 граммов. На колесо приходится 130—150 штук. Вада это же 6—7 микрограм-мов лишнего веса. Теперь на машинах Самородева или Кадырова неуспеш-ный болельщик увидит всего лишь два или три колыцеобразных «нолионик» ряда. Но стоит взглянуть на колесо в профиль, как сразу же количество рядов удваивается. «Оптимальный об-ман» объясняется конструктивной схе-мой расположения шипов.

У

На старте вы видите обычный светофор. Зеленый свет — сигнал к началу гонки.

Установка шипов — девятнадцатилетняя операция Слава Дубинин не доверяет ее никому.

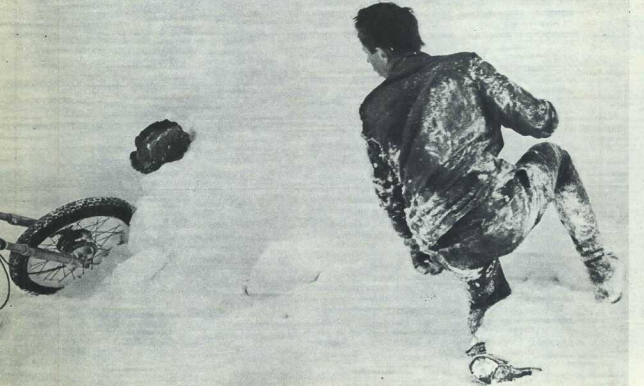
Уфимское трио: Вячеслав Дубинин, Габдрахман Кадыров, Юрий Дудович.

До 1961 года шведские гонщики по льду были не только сильнейшими в мире. Они считались и непревзойденными законодателями технической «моды». Но уфимские спортсмены вместе с энтузиастами из общественного конструкторского бюро не сидели сложа руки, ожидая новинки из Сиднарна-вики. Они принялись за усовершенствование шведских шипов, которые считались лучшими в мире. Изготавливались шипы целиком из стали. Но вот кто-то предложил сделать верхнюю гайку крепления из дюралюминия, кто-то стал высверливать с обратной стороны резьбовой части отверстие. В результате каждый шип сбавил в весе граммов на десять. Конечно, это может показаться ничем, но на чемпионате Европы благодаря этому незначительному усовершенствованию наши мотоциклисты при одинаковой мощности были легче финских или шведских на 4—5 килограммов.

Каждый вид мотоциклетных соревнований — гонки по льду, кросс, многодневка, спринт — ставит перед спортсменом свои, особые задачи... В первых международных встречах преимущество в технике было на стороне наших зарубежных соперников. Наши гонщики выступали на чехословацких мотоциклах «ЗСР», которые были хорошо подготовлены для горных гонок, но не годились для ледяных дорожек. В 1961 году Б. Карчевя предложил специальную раму собст-

УФИМСКИЕ ВИРАЖИ

венной конструкции. Она давала главное из того, что необходимо в мотогонках на льду — устойчивость. Спустя год на мотоциклах с новыми рамами уфимцы Б. Самородов и Ф. Шаниуров вместе с москвичем В. Верытовым одержали уверенную победу на гонках в Стокгольме, Хельсинки и Москве. Победа была особенно убедительна потому, что в соревнованиях выступал швед Ове Фундин, неоднократный чемпион мира.

На ледяной дорожке, когда стартуют гонщики равного класса, победает тот, кто быстрее преодолевает вираж. Чем больше наклон мотоцикла на повороте, тем меньше влияет на него так называемый опрокидывающий момент, который неуловимо стремится отбросить гонщика на «большую орбиту». Гонщики привыкли за поиском нужной была третья точка опоры, так появилась металлический башмак. Но наклон по-прежнему был слишком мал. На своем башмаке пришел металлический наклонник. А смельчак Ф. Шаниуров пробовал даже проходить виражи, отираясь на... налокотник.

Сейчас на уфимских гонщиках с почтением взируют их зарубежные коллеги. Уфа завоевала право (наравне с Москвой и Ленинградом) быть «хозяйкой» только что элиминированного чемпионата Европы. Тысячи зрителей приходят на городской стадион, чтобы увидеть своих любимцев. И характерная деталь: вокруг каждого гонщика вертятся мальчишки — смотрят, слушают, иногда даже помогают. Их никто не гонит. Потому что они завтракают в день спортивной Уфы, потому что им, мальчишкам, предстоит освоить в ледяных виражах обширнейшую столицу и принести ей новую славу.

Первый полет космонавта

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛИСТА

Еще одиннадцатого весь мир занимался своими обычными земными делами. Почти весь. А двенадцатого человечеству стало известно, что оно живет уже в эру полетов человека в космос!

Еще одиннадцатого его никто не знал. Почти никто. А двенадцатого его имя повторила вся планета!

Юрий Алексеевич Гагарин. 12 апреля 1961 года. Это событие наружило привычные земные мысли и обратило их к звездам, в космос. Все разговоры тех дней начинались или заканчивались обязательной космической темой. Обильную пищу для этого прежде всего давали, как и положено по профессии, ведущие журналисты и фоторепортеры. Они рассказывали не только о подробностях подготовки Гагарина к полету в космосе, но и о многочисленных случаях, примерах, шпихах из его биографии. Казалось, не остался ни одного уголка в двадцатикосметной жизни первого в мире летчика-космонавта, куда не заглянула бы и о чем не поведала бы корреспонденция.

Но автобиографическая повесть Юрия Алексеевича Гагарина «Дорога в космос» разом отодвинула

куда-то вальцеватые о космонавте материалы на второй план. Это и понятно: кто лучше может рассказать о себе, как не сам Гагарин!

Знакомые журналисты, не раз беседовавшие с Юрием Алексеевичем, написавшие о нем не одну корреспонденцию, рассказывали, что для них эта повесть была во многом открытием: как много, оказывается, они не знали простых, поучительных и просто любопытных событий, фактов, деталей. Для меня же интерес к повести был увеличен тем обстоятельством, что мы оказались земляками по Саратову.

Когда я читал в «Правде» очередное продолжение повести Юрия Гагарина, меня особенно взволновал один эпизод. Вот этот:

«А на следующий день мне вдруг говорят товарищи:

— Знаешь, о тебе написали в газете... Газеты на аэродроме не оказалось, достал я ее только через неделю в городе. Там было всего несколько строк о моем полете, были названы мое имя и фамилия, помещена фотография: я в кабине самолета, подняв руку, прошу разрешения на взлет. Когда был сделан этот снимок, кем написана заметка, я не знал. Видимо, все это организовал Дмитрий Павлович. Значит, он был уверен во мне, знал, что не подведу его.

«Заря молодёжи» — так называлась газета саратовских комсомольцев, в которой тогда неожиданно отпечатали меня. Первая посылка в печати много значит в жизни человека. Мне было и очень приятно увидеть свое имя напечатанным в газете и в то же время как-то неловко, что из всех товарищей почему-то написала именно обо мне. Но все-таки я поспеял этот экземпляр «Зари молодёжи» домой, в Гжатск. Мама в ответном письме написала:

«Мы гордимся, сынок... Но ты, смотри, не забывайся!».

Взволнованный, я достал из книжного шкафа стопку своих изрядно потрепанных книг, красных, серых, карманных блоклетов, относящихся к первому моему работнику в саратовской комсомольской газете. На одном из них стояла дата: 1955 год. Среди полустершихся за времени строк я нашел карандашный записку с заголовком «День на аэродроме». Страница из журналистского блоклета воссоздала в памяти, как это было.

«В один из последних дней июня меня вызвал редактор газеты и сказал, чтобы я подготовил полосу ко Дню Воздушного флота СССР. Среди ряда материалов был записанный репортаж с аэродрома.

Начальник аэродрома Григорий Кириллович Дейновский, выславшая меня, предложила: — Позжайте завтра с нами. Как раз подходящий день — курсы будут проводить самостоятельные полеты и прилети с парашютом.

Ранним утром мы с фотореспондентом приехали на аэродром ДОСААФ. Курсанты — молодые рабочие, студенты саратовских вузов и техникумов уже готовились к выполнению упражне-

Первыми поднимаясь в воздух парашютисты. Самолеты набрав высоту, развернулись, и вот под каждым из них появились черные точки, испускали белую дымку. Парашютисты обрабатывали групповой прыжок.

В два часа дня на аэродром привезли группу курсантов-летчиков. Одни за другим из кузова автомашины выпрыгивали подпрыгнув, корчась от сильного затыка вихорки.

— О любви писать можно, — сказала летчик-инструктор Дмитрий Павлович Мартынов. — Хорошие ребята, старательные.

А кто из них наиболее достойный! — спросил мы.

— Это смотря что вас интересует. — И Мартынов выходящее посмотрел на нас, словно проверяя, знаем ли мы сами, что нам нужно.

Фотореспондент и я стали обходить, что нужен лучший курсант аэроклуба. И чтобы был лучшим не только в спорте, но и в учебе и в дисциплине.

Теперь задача ясно, — улыбнулся Дмитрий Павлович. — Тогда напишем о Гагарине. Вот тот крепкий, второй слева. — Мартынов кивнул в сторону группы курсантов. — Только что индустриальным техникумом закончил. — с отчаянием. Комсорг отряда курсантов-летчиков аэроклуба старшина группы. Кстати, сегодня победит в первом самостоятельном полете. Небо любит! — до безумия! И вообще старательный человек, веселый. Устраивает!

Эти кандидатуры, конечно, устраивали. Мы решили тут же подойти к Гагарину и поговорить с ним. Заметив наши ветераны, Мартынов посоветовал:

— Вы, товарищи корреспонденты, сейчас не беспокойте Юру, расспросим (я в этом официальном обращении «товарищи корреспонденты» и в простом, по-отцовски «Юру» мы уловили искреннюю заботу командира о своем воспитаннике). Повесть же лучше всего написать о первом самостоятельном полете не шутное дело. А это нужно узнать о нем, спросите у меня. Я вам все расскажу.

Когда Юрий Гагарин вывел свою «Як-18» под номером 6 в старт прыжка у рулевого колеса летел разрешение на взлет, лицо его было сосредоточенным. Он ожидал заветные два слова: «Взлет разрешено». Поэтому не удивительно, что Юрий в это время не видел, как его фотографируют. С Гагариным поговорить нам не удалось. После полета он тут же уехал в лагерь, а мы в это время делали очередной снимок для репортажа, беседовали с курсантами, с их командирами.

Перед самым отлетом с аэродрома я вновь встретился с Мартыновым. Настроение у него было доброе.

— Все в порядке. Слетал хорошо. Обязательно о нем напишете!

В фоторепортаже «День на аэродроме», опубликованном 3 июля 1955 года, было написано: «Сегодня выпускник индустриального техникума, комсомолец Юрий Гагарин совершает первый самостоятельный полет. Юноша немного волнуется. Но движения его четки и уверенны. Перед полетом он тщательно осматривает кабину, проверяет приборы и только после этого выводит свой «Як-18» на длину исполнительного старта. Гагарин поднимает правую руку, спрашивает разрешения на взлет».

Когда я рассказал об этом недавно Юрию Алексеевичу, он ответил:

— Рад, что этот эпизод из моей биографии перестал быть для меня болем забытым.

Перечитывая рассказ Юрия Гагарина о полете на космическом корабле «Восток» и глядя на пожтегляющую во времени страницу из саратовской газеты, и спрашивая себя: случайно ли мне сегодняшнего Героя Советского Союза, летчика-космонавта за шесть лет до полета в космос впервые появилось в газете? И чем больше думаю об этом, тем больше растет убежденность: нет, не случайно. Мне вновь вспоминаются слова Д. И. Мартынова: «Небо любит — до безумия!»: сосредоточенное, прямо-таки одуротворенное лицо Юрия в кабине самолета перед стартом; настойчивое впечатление Дмитрия Павловича: «Обязательно о нем напишите!» Опытный командир, чуткий наблюдатель, он увидел, что для Ю. А. Гагарина небо не просто увлечение, а большая мечта, цель его жизни.

Думается, именно эта душевность и была душой Гагарина крылья для беспримерного в истории человечества подвига.

Евг. ИВАНОВ

Фрагмент страницы саратовской комсомольской газеты от 3 июля 1955 года с фоторепортажем о первом самостоятельном полете Юрия Гагарина.

Сегодня — День Воздушного

День на аэродроме

В этот день на аэродроме ДОСААФ в Саратове проводится первый самостоятельный полет курсанта аэроклуба Юрия Алексеевича Гагарина.

В 10 часов утра курсант Юрий Алексеевич Гагарин вывел свой самолет на старт прыжка. Перед полетом он тщательно осматривает кабину, проверяет приборы и только после этого выводит свой «Як-18» на длину исполнительного старта. Гагарин поднимает правую руку, спрашивает разрешения на взлет.

После полета Юрий Алексеевич Гагарин уехал в лагерь, а мы в это время делали очередной снимок для репортажа, беседовали с курсантами, с их командирами.

Затем в руках своих курсанты аэроклуба ДОСААФ в Саратове. Снимок Юрия Гагарина, сделанный в этот день. В 1961 году Гагарин совершил первый самостоятельный полет в космос.

Романчик

3

КНД ≈ 100 %

ГРИГОРИЮ А. ОТВЕЧАЕТ
БОРИС БАЛТЕР

Вот такие они —
«Школьные годы»...

ЛЕВ КАССИЛЬ
ВЫДАЕТ
МИНСВРУКА
«СЕКРЕТЫ»

Нужно ли
ехать
за
тридцать
земель?

ДАВАТЬ ЛЕТ НАЗАД...

В. ПАВЛОВ,
учитель

Сочинение на свободную тему

«По-моему, самым интересным, самым замечательным человеком надо считать того, кто больше всех повлиял на тебя, помог стать лучше, чьи-то глазами ты незлобно оцениваешь свои поступки. С радостью могу назвать — это мой отец!»

Уже вторую неделю Алексей Котларов писал сочинение на свободную тему. Вначале был он привык все про образы Онегина, Обломова. А тут «Самый интересный», самый хороший человек, которого ты встретил!».

Вспомнил Алексей все его недолгий жизнь и постепенно меняющееся отношение к отцу.

Во-первых, маленький Алексей с горечью сделал открытие, что его отец не лентяй, не каналья онегинского моря, не полководца, не чемпиона по боксу. Обыкновенный техник по холодной обработке металлов! Про таких ни в приключенческих романах, ни в сказках...

Слышала он, правда, что отца очень уважают на заводе за примерную честность, чуткость... Товарищи по работе часто говорили: «Котларов — настоящий человек». Но ценность этих слов была тогда не особенно понятна.

Но врезался в память один случай, после которого сын вдруг по-новому взглянул на отца.

Прибегает в воскресенье Утро к Алексею домой запыхавшиеся мальчишки из соседнего класса. Они уходили с учительницей в поход.

— Спрашивал про рюкзаки?

— Спрашивал. Нет. — ответил Алексей, спойной — переводя глаза с прищипывав на отца, читавшего газету.

Восхищенный растерянно переглянувшись.

— А говорил вчера при учительнице, что в два счета достанешь у теток, — удивился староста.

— Ну, нету, вам говорят!

Ребята, огорченные, молчали, переставляя с ноги на ногу. Алексей смурно смотрел в окно, думая, когда они уйдут.

Нанючка хлопнула дверь. Сзади зашелестела газета.

— А ты в самом деле спрашивал?

— Немного было — умоляюще ответил Алексей.

— Эх ты! — Отец отложила газету. — Болтуш, хвастун! Взаправду человек, раз не можешь сдержать своего слова. И тому не ты еще и лентяй! Открыто, спойной, бессовестно! Сейчас не беги за нами и скажи правду. Попроси похвалить, если могут. А сам — за рюкзаками!

Алексей встал их уже у дверей школы. «Снять правду! Нет, легче прыгнуть с пятого этажа!»

— Я сматоса... я... сбегаю, — бормолал он, утравя пот со лба, — еще и один знакомым.

К его радости, знакомый у одного знакомым — нахался. Алексей вручил его ребятам. Посыпался благодарности от учительницы и от всей группы туристов. Но от благодарностей Алексисе становилось только хуже. Его считали честным чело-

Прелестная музыка Антонина Дворякина, как незримый добрый волшебник, сопровождает эту юную пару.

Геня так и называется: «Юность». Зрителю встречается его особенно восторженно: многим он напоминает собственную молодость...

А потом за кулисами интонационной жутковозвонные ныли и мамы, и хотя ковал парноинные самостоятели, помогают им передетать... Ведь «доброе» немы...
Она — Наташа Войнова. Она — Миша Кисляков. Она учится во втором классе, он — в третьем. И тем не менее их выступление в концерте можно оценить как вполне профессиональное.

Мы не случайно начали свой рассказ об ансамбле «Школьные годы» с самых маленьких. Ведь в этот коллектив принимают чуть ли не с шести лет!

С такой-то фантастической одержимостью, страстной любовью к 20 лет. Работает с детьми Владимир Семенович Кристальников. Его труд вечет созданный три года назад самодеятельный хореографический ансамбль «Школьные годы». В 1963 году ансамбль было присвоено имя «Юности», а Владимир Семенович — звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

До войны он вел танцевальный ансамбль в городском Доме пионеров. Получил в Ленинграде хореографическое

образование, посвятил себя делу. Работу прервала война. Молодой балетмейстер пошел на фронт добровольцем. Под Наро-Фоминском — тяжелые ранение в ногу. Калюлось, все потеряло и любимому делу нет возврата. Но была огромная воля, неутомимая требовательность к себе и любовь к танцу и детям, и жизни... Ведь если не сбавится нога, это еще не конец!

...На одном из устных выступлений журналиста Б.Ю. посвященном народному хореографическому ансамблю «Школьные годы», слово взяла известная балерина Ольга Леппинская. Она представила собравшимся В.С. Кристальниковому: «Это Мерседес в искусстве! За три года ансамбль

«Детская полка» ГИЦК. Наташа Бойкова и Миша Кисляков — в главных ролях.

Обычно подпевшая, жизнерадостная, неугомонная Марина Коренева — одна из лучших танцовщиц ансамбля — сейчас обозначена: предстоит контрольная по математике.

Шестнадцатилетний Боря Мартынов очень любит народные танцы — в них можно проявить и темперамент и мастерство.

Только сутки отгадали их от неизвестного, неизвестного... Впрочем, почему неизвестного? Маленький верлик: с боевыми полками, под красными родиним знаменами они еще пришли в Таганрог. Виктор думал: может, на той стороне он встретит отца. Вылезает же в жизни счастливые встречи! Вспомнил последнее письмо от него — тревожащее, со штемпелем полевой почты. Тогда же Виктор отклик: «Дорогой папа! Рад, что у тебя все хорошо. У нас с мамой тоже. Ухус по-прежнему на отлично. Не волнуйся за нас, без крышек французов».

Ответа, а отправить письмо не успел: немцы заняли город. И не зная тогда Виктору, что отец его уже поинтов в братской могиле.

А Геня думал о матери, о том, что вот он с ней и простился, когда попорся глоток кофе из ее чашки. Странное, беззащитное получилось просиение...

И вот последний вечер. Едва Виктор, кинув на оружие, сказал: «Нуда бы убраться на ночь!», — раздался бесцеремонный стук. В дверь громыхали сапогами, прикладками. Почуяв недоброе, ребята поднялись. Из соседней комнаты выскочила Витина мать.

Она приняла руин и груди и поблдала.

Дверь распахнулась, и, апуская клубы порозового воздуха, в комнату ворвалась фашистка.

— Руин вверх! — по-русски прокричал офицер. Но мальчишки, только теснее прижались друг к другу. Вити стоял впереди, и офицер удвинул его назад. Еще и еще... Мальчик упал.

— Что ты сделал, сынок! — бросилась и немую мать.

Витя поднялся, стер руками кровь с распухших губ.

— Я знал, что делаю, — сказал отнюдь неспокойно и твердо. Солдаты вывернули их карманы, обшарили однокому, все в два перевернули вверх дном. Грохнувшись, упали на стол два маузеры, патроны. Рядом лег извеченный из-под подкладки Гейнниного пальто двойным листом ученической тетради с синими крестинками, обшаренными кружками.

— Это что? — заревел офицер. Мальчишки молчали.

***

Их расстреляли под Таганрогом, недалеко от моря, в Петухиной балке: Геня Лылова, пионера, Виктора Кислякова, пионера, Николая Семанюкова, комсомольца.

Не суждено было Гене стать капитаном дальнего плавания. Другой вождь по океанам его корабль. Другой работает на токарном станке Семанюшка. Не Виктор Издряков, а другой ученик несет сейчас вахту в суевой, полной нераздающих тайн Антарктике.

Со дня их гибели прошло больше 20 лет. Но не забывают имени тех, кто отдал жизнь за Родину. О них пишут, о них пишут книги, в их честь в День Победы гремит салюты.

А в родной школе Геня Лылова учится теперь другие мальчишки и девочки. Они часто приходят в пионерскую комнату и подогуют портретом портрета светловосого парня, в каждый день себе ставят быть честными и мужественными и любить Родину так, как любил ее Геня и его товарищи.

Музыка

По клавишам, по клавишам
Пальцы ходят,
Ты рывок клавишеньки
И не вернись врозде
Своему призывалю,
Звуковым являю...
Поминьш по преданию
Песню о Алене!
Жизнь его ветка званю,
Рождение таланта,
Опалкавал званыи
Гибель музыканта.
Жизнь его короткую,
Рваную жесю,
Бурную и кроющую
Музыку для всех.
Поминьш, как в России
Во поле пивенчюком
Мужика израсстал
Песню горемычную!
А над мужиками
Насмеялась власть —

Народ не музыкален...
Есть на песню ваяль!
И живут в народе
Сказочные древности —
Вечные мелодии
Превидности, верности...
Музыка мне кажется
Достой паветой,
Но диво не каждому
Быть ее поетом.
Что ж ты выскринешь?
Разве приказники?
Руки обжигай,
К ней ты прираскиснешь.
Время в Лету кануло...
Иростно, запористо,
Зуки-великаны
Можь собою борются!
Кровью слезы, нервами
Через муть адюна
Ты открыл зверню,
Рваную атомной.

г. Новосибирск.

ГЛАВНОЕ ШПАК

ЛУЖНИКИ ПРИШЛИ В ШКОЛУ

Ети снимки сделаны на новом московском стадионе. Его адрес не значителен: он находится в одном из спальных районов — ведь стадион этот школьный, строили его сами ребята, по собственному проекту. Они подняли уровень площадки почти на метр, «переместили» более двух с половиной тысяч тонн грунта, и все это без намок-либо денежных затрат.

В 201-й школе имени Зои и Александра Носоводемьянских 60 спортсменов-разрядников. Теперь их будет намного больше. Рядом со зданием — двухсотметровая богатыря дорожка, волейбольная и баскетбольная площадки, гимнастический городок. Зимой на стадионе занимались лыжниками, а с первыми весенними теплыми началась утренняя физкультура на открытом воздухе. Юные легкоатлеты готовятся к традиционному «дню бегуна».

Мног отнесется школьники и своей стране? Вот строки из сочинения десятиклассницы Елены Борисовой: «...Принято считать, что наш труд превратился в такое прекрасное чудо. Мы скоро окончим школу. Но после нас тысячи ребят будут заниматься здесь, и кто-нибудь из них спросит: «Кто строил стадион?» И учитель расскажет о нас. Как это здорово!»

Да, такие спортивные базы можно создать при любой школе. Было бы только желание.

Фото В. ТЮКЕЛА

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Один из номеров «Романтика» в этом году будет целиком сделан вашими руками. Приглашаем принять участие в его создании. Присылайте свои очерки, корреспонденции, стихи, рассказы, юмористические миниатюры, рисунки, фотографии.

Ждем ваших писем!

Второй тур

Начинаем второй этап соревнований за звание чемпиона «Романтика». Очередные десять вопросов посвящены истории и сегодняшнему дню «скорлупы спорта» — легкой атлетике.

1. По каким видам легкой атлетики размышлялось олимпийское пророчество 2 000 лет назад?
2. Что такое «второе дыхание»?
3. Кто из советских легкоатлетов завоевал золотые медали на Олимпиаде в Риме?
4. Кто из советских прыгунов впервые преодолел высоту в два метра? В каком году это было?
5. Как называются три основных способа прыжков в высоту? Каким из них пользуется Валерий Брумель?
6. Чему равны высшие ассоциозные достижения юниоров 15—16 лет в беге на 100 метров, прыжках в высоту, метании диска и копья?
7. Чему равны ассоциозные рекорды девушек 15—16 лет в беге на 100 метров, прыжках в высоту, в метании диска и копья?
8. Кто самый быстрый бегун мира среди мужчин? Каков его рекорд?
9. В чем состоит существенное различие (кроме скорости передвижения) между бегом и спортивной ходьбой?
10. Какой предмет является «предком» современного легкоатлетического молота?

Ответы на вопросы второй серии чемпионата «Романтика» должны быть отправлены в редакцию (по почтовому адресу) не позже 31 мая 1964 года. На конверте необходимо делать пометку: «Чемпионат «Романтика»».

В следующем выпуске «Романтика» мы сообщим фамилии победителей первого тура чемпионата (см. «Смею» № 3, 1964 год).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РОМАНТИКА»:

В. БРУМЕЛЬ, заслуженный мастер спорта; В. КАВЕРИН, писатель; Р. КУРБАТОВА, заместитель замещающего начальника отдела ЦК ВЛКСМ; Г. МАСЛЕННИКОВ, бригадир комплексной бригады строителей, Герой Социалистического труда; А. ПАХМУТОВА, композитор; М. ЦЕНДИПЕР, директор московской школы № 437.

Романтика

3

УЧНА

РАССКАЗ

ни опустив на дно, метра на три с половиной, какие-то детали от гусеничного трактора и закрепил веревки на корме и носу. «Вскоре эти артефакты пропали, и только в слабые ветры лодку иногда спускало на глубину... Но этот день прошел тихо, было очень тепло, и заря началась спокойная и ясная. Вода в заливе отражала берег, и огромный стог сена, и деревья, и все это в воде было темным, как тина, и дуплистым, будто сама вода была сном. Заваня была невеселая и весь подвиг предвечерним отражением, весь был окутан оцепенением летнего вечера, и только на выходе, за тростниками, мягко розовело само водохранилище в летней, полуденной истарине. И далеко все было слышно... Слышим было, как шумит крылья одноклещ чок, летящий над розовой испариной. Чуйки летали тяжело и устало и не кричали, как утром.

Полдень стоял в воде спокойнее, положе на острые вытесненные плечи, солнце уже село, и в ясном небе отчетливо белела прозрачный полу-мессид.

И вот тогда-то в улуу заливов в салитной с берегом знойной темноте раздалась всплески рыбы. Когда рыбы всплескивали и показывались над водой, старик, сидевший в зеленой лодке, взорванным, приглушенным голосом восклицал все одно и то же: «Самыши!»

А сын его слушал молча и смотрел туда, в улуу залив.

Там, где плавались крупные рыбы, вода всплескивала заветным румянцем и растекалась кругами, и эти сонные круги дохли до лодки, колебали луну, стог сена, и тогда казалось, что полумесид смеется.

— Брат не будет,— сказала старик.

Рыба вынырнула стаей, уходя из залива в тушенную розовость водохранилища. Сип и похлывание плавало куваркаса дохранивали в теплой воде, показывая свои черные спины и острые плавники, улыбаясь и болтуя воду, но и там, в том тихом, затуманенном румянцем, долго еще выныривали эти большие, горбатые леицы, которые упали из залива.

— Брат не будет,— опять сказала старик.— Когда леиц плавится, они не берет.

Лодка его закачалась, и от нее пошла по заливу кутья. По этим опаленным кругам можно было проследить границу воды и суши.

— Где завоучет?— спросил старик.— В сене или у кустов?

— У кустов!— сказала ему сын.— Рыбе забайа! Мы идём с тобой навоевали на улуу. Будем варить уху.— И он крикнул озорно.— Уху-уху!

Он тоже зашевелился в лодке, и от лодки тоже пошла ровные и мягкие кутья... Он был раза в два моложе отца. Он достал из кармана прищипки на плауководкиш, и над зальвом тихо задрезбжала рыба.

— Выключи!— сказала старик.

— Походу послушаем.

— А-а-а, что там! Рыба— лутший синоптик, она никогда не ошибаетс...

— Выключи. Ты лучше послушай, как месид звенит...

— Что?

— Когда круги от лодки расходятся...

— Что ты сказал?

— Я говорю: мой уалчик, потому что здесь не так-то просто добыть толдано на кустер,— сказала старик.— Загря, я боюсь, будет лодка по-года.

— А при чем тут месид?— спросил сын.

Но старик не ответил ему, сматывая свои длинные красные уалчики. Делал он это осторожно и старательно.

Над зальвом опять стало тихо, и над темной водой улово пролетали темные едва уловимые и юркие летучие мыши.

— А-а!— сказала сын радостно.— А я и никак тебя не пойму! Какой, уалою, месид? Это верно... Как будто колет на части и звенит... А в обдем, как хоньч,— сказала он после паузы.— Если хоньч нечестно, а ты сене, давай нечестать в сене.

— Нет,— сказала отец,— в сене хорошо, но там всю ночь шумит, а я спать не могу.

— Я тоже,— откликнулся сын.— А когда спать-то!

Они гуляли свои лодки в тростниках и, разминая затежные ноги, походили в сосенки, в частые ряды березы, далеко посаженных вдоль берега. За этими рядами сосенок начиналось поле и просвечивало затежное небо.

— Вот здесь,— сказала старик, став над черным пятном кустра.— Здесь рогачики есть, здесь и завоучет... И броси свой рюкзак на траву.

— Пуска светля, надь ароньчест загоучет: здесь с этим делом ллохо. Здесь что молды, дамыо сямалы. Здесь месыее бабы по утрум за пустаы бутылками, как за грибами, с корантинки ходят...

Сын его засмеялся, и лицо его в потемках показало отцу совсем крошечным, когда он увидял белое его зубы.

Потом, когда они выжили по кружке холодной водки и, обжигаясь, приехали здесь, из котелка уху и когда совсем уже стало темно и вода в заливе, освещенная лункой, стала синей, отец сказал, льянче:

— На вечернюю зарю никак нельзя рассматривать. Вот утром мы с тобой обязательно будем ловить леицы.

— Да,— сказал сын.— Но лодка послушаем последние известия.

— Это мы будем делать полемазгара: набросимся на газеты на радио... За каких хронот ты взял эту шутку с собой?

— Лодка. Будем слушать лунный звон.

— Нет,— сказала старик злорадно,— теперь она уже не звенит. Теперь она торжествует. Разве ты не чувствуешь?

— Я чувствую, что ты пересела уху.

Земля была темная, и она лежала на тонкой прорезившей наждаке, которую привез сын. Старик курил папиросу, а сын его са зареуюу рыбу и смачно отплевывала кости. И старику было очень хорошо лежать на этой офицерской наждаке, которую подарил ему сын, курить папиросу и слушать, как громко отплевывается его младий Сержека.

— Да,— сказала он опытно.— Я, конечно, люблю вечернюю зарюку, но люблю, когда ночь потом такая вот тихая и темная, когда костерки горят и ушцы готова... И тебе очень доволен, если ты поступишь в академию.

— Еще бы!— подумал сын.— Пять лет жить в Москве. Да мессидича это— большое счастье. А что! Будет потом, неизвестно. Это будет потом.

— К тому времени, когда ты кончишь академию,— сказала ладру отец, словно послушав его,— когда ты будешь военным инженером, к тому времени договоримся о разоружении, и ты будешь заниматься мирными делами. А что! Вполне возможно. Я почему-то верю в это... Вот, по-нимешь ли, все мы, жители Земли, планеты Земля, все мы не дураки и можем превратить уалса. А впрочем, представь трудом.

Старик с задушливой улыбкой смотрел на сына, который жадно доставал деревянной ложкой рыбу из котелка. Лодка была расписная, из Хоккамо...

— Да, конечно,— сказала отец с этого непроказавшей улыбкой на губах.— Конечно. Надо помнить человека шире. Надо помнить о прошедших периодах, эрах, о тех временах, когда человеческий мозг не имел столько изгибов, когда вообще человека не было на земле...

— А зачем ты мне говоришь все это?— спросил сын.

— Потому что мне показалось ладру, что ты различаешь говорить необходимые вещи, различаешь говорить отвлеченно. А это нужно, Сержека, потому что когда рассуждаешь отвлеченно, приходит ладру странные мысли о мироздании.

— Ясно,— сказала сын.— Мне некогда этим заниматься.

— А потом, Сержека, надо наконец понять, что мы одни и нам никто не мешает,— сказала старик.— Мы выжили с тобой по кружке водки, съели уху, лежим у костра, над нами сосны, за соснами поле, а внизу зальва... Неужели мы не можем позволить себе поговорить отвлеченно, зьмыо о том, что мы такие? Ведь нам никто не мешает. Неужели тебе никогда не хочется ощутить себя существом, пришедшим из далеких глубин времени, наковшином огромный опыт сравнить и отбросить: не хочется понять себя во взаимосвязи с этим миром, который тоже изменялся, как и сам человек? Говорит, человек родился ладру лучшего. Ну что ж это... Это надо постоянно доказывать.

Сын, покочив с рыбой, посмеивался и влобленно смотрел на отца, который изрядно охмелел после кружки водки. Он сказал:

— Ты, конечно, хороший мужик, но ей-ей, над тобой смеются в уалсе, когда ты идешь по лугушку какую-нибудь, рассуждаясь, и уалдываешь.

— Я не рассуждаю нам про лугушку,— сказала отец серьезно.— Ты меня просто не хоньч понимать. Я ребята не про лугушку рассуждаю, а про то, как можно устроить мир. Поэтому они не смеются. Не угадаю...

— Ты обиделся? Прости... Я не хотел,— сказала сын.

— Нет, нет,— сказала отец.— Все это чушь... Только вот ты никак не хоньч понять меня.

— Сын засмеялся и сказал ему по-аудержски:

— А звенит, ты стал слободать. Рыньте ты после эталкой лоды вел себя иначе. Мне помнится, ты пел раньше песни. Поминишь, ты пел: «Зать на унечу палучу возни, молдову жену...»

— Это я пел, когда жила была теца,— перебил его отец.— Она была жеманница, тына бабушка. И вообще мы с ней были друзьями.

— Ты и потом это пел,— сказала сын.— Но хатит от этого. Потого-свиныи и эти обидежные слобды, и ты здесь устраивался поудобнее-риан и хватил. Надо иметь котелок, а ты здесь устраивался поудобнее-риан.

Он спустился вниз, завернувшись котелком теплую и мягкую уху, и присел на корточки, услышав тирую комарный звон. Но то была не лэме, не кусачие комары, и они мирно и обижено звенели над тростниками, пока он мыл котелок, оттирая его иак.

Лунный свет мигал, и только лежала на воде, и порой казалась, что не было впередй никакой воды, а было какое-то грутное, зыбкое сверканье.

Он давно уже вымыл котелок, и руки его были черные и замасленые, но ему не хотелось уходить от воды, и было приятно смотреть в это свечение, и эти обидежные слобды, и ты здесь устраивался поудобнее-риан... Казалось, что воды и не было никакой, и только когда поворачивался теперь, но такие же быстрые и стремительные, как дым, жуки-наездники царапали ладру это лунное вымяклое, тогда повяно было, что над ногтем помылась темная, опененная вода, по которой скользяли, как поухебы искры, торжественные насекомые... Но это проходило, и опять ему грелось, будто присел он на краю какой-то спящей, синей пропасти, на краю провала в нечестность, в воспоминание, в зыбкое прошлое...

—Между прочим,— подумал он,—лучший свет тревожен и спокоен одновременно. А это сбивает с толку.

—Дом, в котором их застала война, был где-то за синей пропастью, за лесом березовым, который надвинулся в восточном тесновом и стал как быся Балким кот, может быть, и трудно было теперь сказать, что это темнее тот самый берег, на котором стояло село и росли большие березы... Дом был еще дашнее, за теми березами, за далеким лесом, который отсюда совсем не был виден. Он стоял рядом с железной дорогой, в деревне, которая сохлала шоссе. А по железной дороге мчались тогда товарные поезда с пушками и самолетами...

Когда началась война, они жили на даче в одном из тех одинаковых деревянных домов, перед окнами которых росла зыбнущая тумста сирени. В доме были застывшие, и по вечерам на черепицу прилетали мушкетеры Балким кот, может быть, и трудно было теперь сказать, что это темнее тот самый берег, на котором стояло село и росли большие березы... Дом был еще дашнее, за теми березами, за далеким лесом, который отсюда совсем не был виден. Он стоял рядом с железной дорогой, в деревне, которая сохлала шоссе. А по железной дороге мчались тогда товарные поезда с пушками и самолетами...

Потом это было смешно вспомнить, но это «плетом» выступило не так-то уж скоро.

— Саунай-ка!— крикнул он отцу. Этот крик далеко и далеко несли над водой, и тогда Сергей сказал уже осторожнее, будто боясь разбудить кого-то.— Саунай-ка, а как называлась деревня, в которой мы жили?

— Отец усмехнулся и ответил:

— Коралово.

— А ты помнишь вадет? Или теба уже не было с нами?

— Но отец промолчал, и Сергей слышал, как он с криканием укладывал спать.

— Кажется, его уже не было с нами,— подумала Сергей.— Впрочем, это не так-то уж было и страшно...

Было интересно смотреть, как в холодном, мутном, предвечернем свете перед глазами самолеты, по которым стреляли из пушек. И взрывы снарядов казались красивыми и настоящими, как в кино.

Теперь это было смешно вспоминать... Самолеты летали строем и совсем не пугали зыбнущих пушек... Было грустно и было трудно вспомнить его, офицера, было смешно это представлять, глядя в бездонную лазурную пропасть. И Сергей усмехался...

Они стояли на ступеньках маленького крыльца, причесав, словно от дождя, под козырьком крыльца. Было холодно, и было трудно унять нестерпимую дрожь... Кто-то говорил, что надо идти в лес, пока не начались метели. За лесом же, перед самым берегом, и была в небо скорострельная пушка, и ее снаряды по очереди лопались в высь. Самолеты летали дразняще медленно, и оттого казалось, что у пушки ослепает терпение от злости. Самолеты гудели напряженно и грозно, с ворчливыми перепадами звука, и вдруг один из них, скользя на крыло, отделился от строя и с большой скоростью ворвался в свистом стал падать на лес, откуда стреляла пушка. И уже не со свистом, а с пронзительным воплем несли он на лес, в то время как другие продолжали полет, и вдруг горничным и другим жеру мотнуло из-за леса, заребрился стелла, и прекратило дымление от тротила и кодышного уара, непонятной и неизомной той силы, которая сбива с ног... И все тогда вскрикнула в ужасе, а Сергей, морщась от боли, шептавшись в саднящую коленку, радостно кричал всем взрослым, у которых были белые лица и черные глаза. «Сбил!— кричала он.— Сбил!»

Теперь неприятно было вспомнить тот восторг, а потом холодный ужас, который сбивал его вадет и сына, когда он увидел за лесом подвизающийся самолет и услышал ослепительный рев его моторов... Самолет сплывала на пушечку, которая, как видно, разрывала его, и вырвала ее болел. Больше не было слышно, и тогда отец с сыном в своем предвечернем воздухе, в котором пахло чем-то неизвестным и опасным, как токсоло и испуганно выкрикивали паровозы синего тревога. Это было страшно, и Сергей побежал во двор... Лопухи были белыми от росы и алыми-холодными. Он кружка в эти минуты и слышал отдалу, как галмалы взрослые, как кто-то громко и угрожающе кричал: «Но ходите в лес! Не ходите в лес!»

Теперь было досадно вспоминать и было обидно представить, опять глядя в лазурное спокойствие, что пикнующий самолет, который быстро и легко расправился с нашей скорострельной пушкой... Он, вероятно, замедлил ее болел, но люб, хотя и мог пролететь бы мимо, потому что все равно они шли на недосягаемой высоте. Ему, наверное, просто захотелось поджурчаться; ему, быть может, просто стало неприятно слышать и видеть, как хлещут огненные вспышки и как торчитится наша пушечка, и болел, он смеялся, когда вышел из пике и когда перевернувшись со свистом, от которых невозможно отстал.

Было очень обидно вспоминать теперь о злобной той пушечке, расцвет которой вадет им успел укрыться, потому что попадание было прямое.

— Папа, ты спишь?— спросил он негромко.

— Да, почти,— отвелся отец. Когда мне надо уснуть, я представляю галакую воду и поглаживаю... Вот и сейчас.

— Ну и как?— спросил сын.

— Не клает.

Гос отец был невнятный и силный, но Сергей понял, что отец горюба с уаьбой.

— А Коралово брали немцы?

— Они были рядом,— отвелся тот.— Были здесь, где мы ловим теперь летей. Вернее, будем ловить на утренней зорьке. На вечернюю и не

рассчитываю, открывенно! говорю. Вечер редко спасает: я никогда не рассчитываю... А почему ты спросил о немцах?

— Да так...

— Здесь были снайперы бол... Ты видел, сколько здесь братских могил? Не было дао с их пор чистым и ясным, и Сергей только теперь заметил, что слева к луке, к крутому откосу, подсвеченному сбоку шару, висещему в пустоте, пригнувшись облака. Облака были слоистые и красные, как малахит, и убранны были отраженным светом луны. В небе это отчетливо было видно и выпукло: круглая луна, половина которой была в тени, и эти недикие, обрамленные светом облака, напревлещис на сияющую половину.

— А ты почему не идешь спать?— спросил отец.

— Учен отвлеченно думать?

— Ну и как?

— Не клает. Я, наверное, умею только вспоминать и делать для себя вадет,— сказала Сергей.— Это как дважды два. Рука всегда помещается сюда! А человеческая память — те же руки.

— Память — руль человека,— сказала старик.— Это муаро. Ты крупную рыбину подцепил, а горюшь, не клает.

Сергей сидел над водой и уаьбался. Ему было приятно услышать похвалу отцу, и он сказал:

— Наверное, надо спать... Осталось всего ничего до рассвета, но все-таки надо вздремнуть.

Он подошел к коту. Угали были обметаны хлопьями пелла, но в габине этого белого пелла все еще тлел огонь, и жар его казался розовым, как вытвля вода.

Отца лежал на спине, положив голову на тощий рюкзак. Его освещала луна, и лицо его, открытое злову, лоснилось, как металлешское. Он был спокоен и вадичил. И шрам, идущий от виска на щеку, казался свежим, как будто залеченным от крови... Казалось, будто он мертв и потому так крупно и глубоки колмаки его сомкнувших век, так кистист подбродок, освещенный луной.

Сергей пригел с ним рядом и услышал его глубокий вадох.

— Да,— сказала отец задумчиво.— Память — это руль человека, а вернее, всего человечества.

Сын его уаьбался. «Конечно,— думал он,— если есть о чем вспоминать...

— А мы не замеримен к утру?— спросил он у отца.— Может быть, лучше вадраться моей выхлдой?

— Или спать на голой земле?

— Нет... У меня есть своя накладка в рюкзаке: я ее взяла с собой. А это твою...

Я не знал,— сказала отец.— Тогда, конечно, лучше вадраться.

И они накрались холодной, плущей и громко шуршащей выхлдой, которая была совсем еще нова.

«Можно, конечно, о многом припомнить,— подумала Сергей, когда он удобно уаьлся и притворился спать.— Можно, конечно... Но только об этом в следующий раз, не сегодня...»

Перед зеркалом стоял милиционер спиной к гостям и, не замечая их, брлся.

Но отец тоже не смотрел на его спину, отбуктовывая синей лоснящейся диагональю, — он смотрел на кровать. На этой роскошной кровати с большими никелированными шарами, похожими на солнечные украшения, пирамидами высились подушки, и убрана была эта чудесная кровать каким-то голубым покрывалом с поздравом.

Отец, наверно, смотрел на свою кровать и не узнавал ее. А кровать, казалось, смотрела на отца своими глазами и не хотела признавать в нем хозяина... Серезка подула, что будет совсем неплохо, если им не отдадут кровать, которую они не успели увезти из этого дома пять лет назад; будет очень хорошо, потому что такую удивительную кровать все равно нечем застелить, и хуже не будет, думал он, если они с отцом вернутся в Москву на поезде, а не потопчутся сорок километров пешком к этой кровати и матрацам, которая, конечно, не пролезет в двери старого здания.

«Хрен бы с ней!», — подула тогда Серезка. — Купим другую кровать. Лишь бы этот дядек не сказал обидного слова отцу».

Милиционер, собираясь на дежурство, брлся и разглядывал отца, отраженного в зеркале. У него была фасонная стрижка «бокс», и затылок его был хриповатым и серым, с наприхрипавшей складкой там, где колыхался череп. Он брлся и невозмутимо вытирал клочком газеты серую мыльную пену.

Молчание было тугим, и Серезка никак не мог понять этого молчания, пока не посмотрел на отца. У того блесгла глаз и дрожал губы. Но отец откинул голову и сказал наконец ошавшим и тихим голосом:

— Мы за этой кроватью.

— А! — сказала милиционер и оглянувшись, спросил: — Вы Юрийевичичи? А? Ну ну...

Он постукал в дощатую стенку и крикнул:

— Нюра, подыра сюда!

Кокка терлась о Серезкину ногу, хвост ее от удовольствия ткнулся вверх и подраивал.

— Кы-са, — сказала Серезка шепотом и снова подула губы.

«Не отдадут», — подула Серезка, увидев молодую женщину, которая вошла в комнату и пристально уставилась на отца.

— Зарате, — сказала отец вежливо. — Вы не узнали? А я вас узнала. Вы дочка Зинаиды Петровны.

— Не Петровны, — сказала милиционер, — Васильевны.

— Простите, — сказала отец.

— Простите, — сказала милиционер. — Восвали?

— Простите, я не понял вас, — сказал отец.

Но Серезка ответил сам за отца:

— Бовва, конечно.

— Да, да, — сказала отец, — пришлось хаевнуть.

Милиционер кивнул на шрам и спросил:

— Оскоком?

— Нет, это блиндаж. Я был в блиндаже, а наверху разорвался снаряд. Двое убило, а я вот остался.

«Не отдадут», — подула Серезка, словно спросив, смотрела на отца, но когда отец сказал о себе, глаза ее потеплели, и она расстержно исплеснула руки.

— Ох! — сказала она. — Шрам-то вас изменил! Жива, значит. Ох ты, господи!

Милиционер, отбрав лицо одержком и ажураса, сказал ей: — Они за кроватью.

— А что же стоим? — сказала Нюра. — Садитесь... В ногах нету правды. А я сейчас.

«Отдадут», — подула Серезка и успокоился, представил себе длинную дорогу.

Нюра торопилась и что-то смущенно приговаривала, таская охапками подушки в другую комнату, свертывая одеяло и простилая.

— Вот, пожалуйста, — сказала она. — Вы уж не обижайтесь на нас, что мы на ней спали вот с мужем. Берите, пожалуйста... Это уж точно, ваша кровать. А в комнате так берите. Вот... А мы уж думали, не приедете. Сколько времени прошло!

Отец молчал.

— Берите, пожалуйста, — говорила Нюра, раскрывшись. — А если хотите, попейте чайку... Уточения никакого нет, но горячего чайку могу предложить. А в холодильнике и повеселись.

Муж ее пошоме в опустевшей кровати и, выразительно взглянув на Нюру, неторопливо отстегнул ремешок часов, которые были подвешены к спинке.

— Вот теперь пожалуйста, — сказала он и надав чашку на руку.

Кровать дребезжала, пока ее по частям выносили на улицу; и Серезка казалось, что она упиралась всеми ногами со стертыми колесками, но желая походить теплого и уютного жилища. Но ее все-таки удвоили на мятленик сидки, серые выкраши огромным адунальным матрацем, связан надкрепко с железными и повеселись.

Нюра провозила до кровати, намотала платок на голову, и, когда кровать застряла в узком проеме, помогла приподнять ее на попа, а потом поставить санки на ползая.

— Ну, а как хозяйка-то вышла? — спросила она.

— Она всю войну просидела на стинах, — сказала отец с усмешкой. — Она тоже очень изменилась... поухала. Она передала вам привет. До свидания. Может быть, когда-нибудь еще приедем к вам на дачу.

— Да уж вы надо! — сказала Нюра. — Не надо.

Серезка это показавшись обидным, и было ему непонятно, почему отец согласно кивнул головой и умахивался ей, этой женщине, многозначительно.

— Да, — сказал отец, — лучше не надо. Невезучие мы дачники.

И они повалили кровать в Москву.

— Ничего, — говорила отец, когда они отъехали в дороге. — Сорок километров это не так-то уж много... А ты уже тоже не маладичный... Ничего!

Он очень был радостным и как будто совсем не чувствовал усталости. Вести кровать было нетрудно там, где лежал утрамбованный снег на обочине

Можно припомнить, как он вернулся в Москву в форме курсанта артиллерийской спецшколы и как они дрались с папаянами в Центральном парке.

В парке тогда беспокойно было и много случалось разных историй. Он ходил тогда в фуражке, которая была отмыта черным берштом и козрек которой был узким, как лезвие ножа.

А еще раньше ходил он в серых штанах с заплатками и в спортивной застегнутой курточке, которую мать получила по ордеру.

В этой курточке и в штанах в полосу он поехал тогда с отцом в Колорадо за кроваткой.

Была уже поздняя осень, и, когда они сошли с поезда, началось пурга. Но сквозь метельный снег светило оранжевое солнце, и было очень интересно смотреть на этот тусклый сияющий огонь. Снежинки казались большими и черными, когда они перешерхивали складки.

Отец был в шинели и в кепке.

«Ты зря не одеваешься», — говорила отец, везя за собой детские санки. Они шли вдоль большого серого забора с колючей проволокой наверху, и эта колючая проволока хорошо была видна, потому что там, в той стороне, за забором, светило солнце сквозь снег.

«А куда мы идем?» — спрашивал он у отца.

Он совсем не узнавал тех тропинок, по которым шагал отец, и не помнил забора, который тянулся до самого леса. А что было за этим забором, он тоже не знал.

Потом пурга сразу улеглась, а яркое засверкало морозное солнце. На провадях лился снег, на березах висел снег, забор был заледенен снегом. Снег был лиликий, но громко хрустел.

Отец смеялся и спрашивал:

«Неужели не узнаешь?»

А шоссе было промерзшее и серое, и только трещины в асфальте были белы. С проволоки легко и весело падали снежные комки, разваливаясь в воздухе. И в лесу с деревьям все время надав снег, словно снег отряхивался. Там еще стояла дубы, полные ржавых листьев.

Санки шумно валивались за отцом, и порой из-под полозьев выскакивала мелкая искра. Серезка с трудом поспевал за отцом. Теперь он узнал шоссе и определялся по сторонам, отыскивая дом, в котором его напутала когда-то страшная жаба...

Но они не скоро находили к этому дому, и, когда отец свернул с шоссе к калятке, сын усомнился в его памяти.

Дом стоял голубой и холодный. Крыша была в снегу, а за крышей светило солнце. От этого снег на крыше казался тоже голубым, как и стены дома.

Серезка оглянулся. И лишь тогда узнал это дом, потому что увидел лес, за которым когда-то стреляла пушка по самолетам, и увидел небо, в котором летали когда-то «юнкерсы».

На порошке, где когда-то стоял отец на рассвете, сидела черная кошка и просидела долго. Она смотрела на отца и жалостливо, испрепит-но мбукала, словно у нее болело что-то.

Отец постукал и услышала голос в ответ.

шоссе. Но порой попадались каменные плахи, и тогда приходилось трудно. Но отец без устали тащил выжаренное железо по голому асфальту и умудрялся шутить...

— Хей-ей! — говорила он, замканными. — Если бы ты побывал на фронте, этот труд показался бы тебе удивительным. Тащить увязшую пушку гораздо труднее, особенно когда стрелок. А мы тащим кровати! Это особенная кровать... Когда на нее спишь, снится только мирные сна. Мы же купили с матерью, когда тебя еще не было на свете. Это старая, двоенная кровать... Дед вот и качнулся голым асфальтом. Теперь уже нечего бегать.

Когда до Москвы осталось пятнадцать километров, сна уже не было ни у отца, ни у Сергея. Они остановились у километровой столбе, отец снял веник, и это мы его головы шва пар.

— Это мы потовую устали, — говорила он, тяжело дыша, — что самым большим недостатком было бы спать. А если бы всюду какой снежок, мы давно бы были в Москве... Я боюсь, нам не хватит денег, — говорила он, доставая деньги, — а то бы я оставила попутную, и мы бы мигом добрались до Москвы.

Он притронул перчаткой свои деньги и сказал: — Пройдем еще пять километров, а там можно будет договориться с шофером.

Они прошли два километра, и уже стало смеркаться. Небо было чистое и теплое, как толстое море, а поля вокруг были синими. А над степем в полях чернели сухие, жесткие стебли.

Отец недоуменно говорил о своей кровати, о снах, которые тебе смотрелись на этой кровати, о радости матери, которая отлежала себе за эти годы бока, и упремо тащила вперед железную связанную кровать. Сергей должен был толкать санки снами, теперь он толкал кровати за большие помпаты отцу.

И вдруг на обочине впереди остановился мощный зеленый грузовик-бегемот.

— Отец тоже остановился, и Сергей видел, как то обладал, то сутулился его плечи, как отец кохмался себе, замканный от усталости.

Вышел шофер и замер в позе у колеса, поглядывая на них с усмешкой. — Что, солдаты, — крикнул он, — сына женить?

— Да, а! — сказала отец. — То есть нет, конечно... Довези! Будь другом... Я заплачу.

— Это хорошо, когда свадьба. Куда везти?

— В Москву, — сказала отец. Он селела сухой и боленней глоток и сморщился, сказал опять: — В Москву, браточка... Будь другом.

«В Москву?!» — сказала шофер.

«Или наоборот? — подумал Сергей с надеждой гадая на промолкший гарнь. Шофер был в кирзовых сапогах, его зачерненная масом гимнастерка была без ремня... «Не возьмет... стучало в висках... Не возьмет».

Но парень взял их и довез бесплатно до Крымского моста.

Они были почти дома, Сергей уже был в отпике. Они шли по набережной, таща за собой кровати. Рядом вину перемалывала смолнистой чернотой, отражая огни, а на каменной набережной лежал тонкий слой снега.

— Мать, наверно, волнуется, — говорил отец. — Я и сам не думаю, что мы сможем ее одарить... Завтра выйдут из дома. Ты и снами... Это особенная кровать... Мы еще были совсем молодыми, а тебя и в помине не было, когда мы купили ее. Между прочим, ее купила мать, когда я однажды уехал на рыбалку. Я приехал с рыбакки усталый, как черт, а Лиза мне встречает так жеважно и восток как солдатское дело. Как она могла сама одеться, а поверх него солдатская шинель... И помнится, конечно, та недолгая усталость, тот сон, который пропал макадонки и ливерной колбасой...

...Потом было радость. Была горячие макароны с ливерной колбасой, были улыбки и смех. Все это было очень давно и теперь казалось невероятным. Помнится только удивительно и восток как солдатское дело. Как она могла сама одеться, а поверх него солдатская шинель... И помнится, конечно, та недолгая усталость, тот сон, который пропал макадонки и ливерной колбасой...

— Теперь, когда дед спуска, засыпая под новой макадонки, Сергей самша мерный храп отца, который до сих пор спит на той довоенной кровати. Никогда давно облетела с шаров, и они стали желтыми. У отца теперь есть отличное одеяло из вельветовой персти, но оно не греет его.

— Да, — сказала он однажды, а плахо сидела, а Лиза гуренится, что и не принимаю спотворно. Я все время думаю и никак не могу окунуться в сон... Это ведь зря потраченное время, хотя я прекрасно понимаю значение сна. Но я себя так уже измучил, что могу точно определить границы сна и бодрствования... Начивается легкое помутнение, и почему-то всегда кажется, что и вничью скаждать руку в левую сторону, то есть на под.

Это очень интересно наблюдать в себе, познавать, как приходит сон и как ведет себя человек во сне... Когда мне не спишь, я очень внимательно наблюдаю за Лизой, и я точно могу сказать, когда ей снится сна и какие ей снится сна. А она почти никогда не помнит. Редко-редко вспоминает какой-нибудь сон... какой-нибудь страшный. А я ведь знаю: ей снится приятные сна. Это я вижу по ее выражению... А она, чудачка, не помнит.

Сергей засыпал, и понимал, что он засыпает, потому что он слишком пристально и внимательно вслушивался в какое-то замраживание, свои, неопределимые уже в тутушном мире, звуки. Редко-редко вспоминает какой-нибудь сон... какой-нибудь страшный. А я ведь знаю: ей снится приятные сна. Это я вижу по ее выражению... А она, чудачка, не помнит.

Сергей засыпал, и понимал, что он засыпает, потому что он слишком пристально и внимательно вслушивался в какое-то замраживание, свои, неопределимые уже в тутушном мире, звуки. Редко-редко вспоминает какой-нибудь сон... какой-нибудь страшный. А я ведь знаю: ей снится приятные сна. Это я вижу по ее выражению... А она, чудачка, не помнит.

Сергей засыпал, и понимал, что он засыпает, потому что он слишком пристально и внимательно вслушивался в какое-то замраживание, свои, неопределимые уже в тутушном мире, звуки. Редко-редко вспоминает какой-нибудь сон... какой-нибудь страшный. А я ведь знаю: ей снится приятные сна. Это я вижу по ее выражению... А она, чудачка, не помнит.

Сергей засыпал, и понимал, что он засыпает, потому что он слишком пристально и внимательно вслушивался в какое-то замраживание, свои, неопределимые уже в тутушном мире, звуки. Редко-редко вспоминает какой-нибудь сон... какой-нибудь страшный. А я ведь знаю: ей снится приятные сна. Это я вижу по ее выражению... А она, чудачка, не помнит.

Сергей засыпал, и понимал, что он засыпает, потому что он слишком пристально и внимательно вслушивался в какое-то замраживание, свои, неопределимые уже в тутушном мире, звуки. Редко-редко вспоминает какой-нибудь сон... какой-нибудь страшный. А я ведь знаю: ей снится приятные сна. Это я вижу по ее выражению... А она, чудачка, не помнит.

Сергей засыпал, и понимал, что он засыпает, потому что он слишком пристально и внимательно вслушивался в какое-то замраживание, свои, неопределимые уже в тутушном мире, звуки. Редко-редко вспоминает какой-нибудь сон... какой-нибудь страшный. А я ведь знаю: ей снится приятные сна. Это я вижу по ее выражению... А она, чудачка, не помнит.

Сергей засыпал, и понимал, что он засыпает, потому что он слишком пристально и внимательно вслушивался в какое-то замраживание, свои, неопределимые уже в тутушном мире, звуки. Редко-редко вспоминает какой-нибудь сон... какой-нибудь страшный. А я ведь знаю: ей снится приятные сна. Это я вижу по ее выражению... А она, чудачка, не помнит.

Сергей засыпал, и понимал, что он засыпает, потому что он слишком пристально и внимательно вслушивался в какое-то замраживание, свои, неопределимые уже в тутушном мире, звуки. Редко-редко вспоминает какой-нибудь сон... какой-нибудь страшный. А я ведь знаю: ей снится приятные сна. Это я вижу по ее выражению... А она, чудачка, не помнит.

Пропуская и ощутив, что лежит один, накрытый восточнейшей и холодной накидкой, что уже светает и идет дождик.

Он подвинулся и увидел этот дождик, который влоял серостью застилала другой берег залива, стог сна и березы. И те березы, которые стояли по берегам, казалось, теперь дамыли. Все было ступенчато, размыто и блеско мокро. Тихая вода принимала этот густой, теплым дождик мирно и беспротонно.

Сосны стояли черные, как голубешки, с них капало, и лаковые стволы блещали от стекающей воды. Лодки тоже были черными и остроносными. Отец стоял в своей лодке и выжаривал консервированной банкой воду. И слышно было, как вода выдалывала гулкаями, какой-то водянистый звук «гураа», а вслед за этим звуком всплеск за бортом и опять «гураа» и всплеск, скраденный сонным дождиком.

Отец перестал выжаривать воду из лодки и сказал: — Да, брат, бывает и так. Но ничего! У нас есть наклейки, и еще pezzi-ветки, которые бывают все наоборот: бывает, что именно в дождик лед начинает каветь, потому что дождь насыщает воду кислородом, а рыба, конечно, приятно, когда кислород. Ничего!

И он снова принялся выжаривать воду из лодки, и опять слышную задождяющую тишину прозвела голубиный звук, издаваемый консервированной банкой и слова рыбакки, издавая исплески воды.

Сергей подождал а лодке. Синие перекладины блещали, а там, где краска обнажувалась, были черные пятна. Лодка была грязной и холодной, и трудно было представить себя в этой мокрой лодке, трудно было представить, как придется ему поднять комолоу и скользящую от сна железку, зацепившись голыми тусцами, бросить ее за борт, а самому устоять на мокрую перекладину.

Он вынул из кармана прищипок и стал слушать музыку. Он был зоя на отце, будаю он, его добрый отец, обмануло его с этой утренней зорькой, ноабедя интересных вещей, а сам теперь виновато выжаривает воду из худой своей лодки и уперен, что в дождь иногда можно наловить лещей.

«Все может быть», — думал он.

Отец, подождав гулкаями резинных сапог, казался кривоногим и паукастым. Сапоги его блещали. Он готовился ловить рыбу и, наверно, ни о чем не думал. Или думал только о рыбе, забыв о вечерных снах измывающихся, о проливающих здох, лпюках и пернлодах, о тех неральных глупавинах, откуда лывался он сам, кривоногий человек и блещущий, мокрой резине.

— Ну вот, — сказала отец. — Все в порядке. У тебя тоже накопился вода в лодке.

— А черт с ней! — сказала Сергей.

Отец, улыбаясь, смотрел на сына, лицо его было мокро и вдруг он сказал:

— Моадед... Ты завтра ввечра скажи о ружье. Моадед!

Сергей шагнул в свою лодку и принял из рук отца ржавую консервную банку.

Вода за бортом была прозрачная и теплая, и в этой теплой воде, вину, на илмстом сером дне, ярко белела очищенная картоффана, которую Сергей уронил вчера в потехки и не достал.

«Это самое большое ружье», — сказала Сергей.

— Что именно? — спросил отец.

— Не каждый может позволить себе... —

— Что позволить? — спросил отец.

— Не может, я отдаюсь.

Отец внимательно смотрел на сына и ждал объяснений. Сергей зочернул банкой мутную воду, скопившуюся на дне лодки, и услышал все чуть же знакомый, гулкаями звук — «гураа».

— А ну ее к черту! — сказала он и бросил банку на дно. — Все равно вода.

— Ты что-то хотел мне сказать? — спросил отец.

— Я говорю... твое рассуждение... Я говорю, это роскошь... Отвлеченное мышление...

— А-а, — протянула отец. — Ничего, сынок! Дождь не помеха. А у нас впереди целый день. Дождь — чепуха. Вот если бы дождик начался ввечеру. У него бы было бы значение. Если лещи ушли из залива, мы их найдем. Если они ушли в глубокие места, мы их разыщем за день... А на вечернюю зорьку нельзя, конечно, рассчитывать, там вперед только, и хочешь не хочешь — ложись спать. А когда из города всего на два дня выбираться, обмануть, бываю, что есть на свете колос. То ли дело — утренняя заря! А ты рожь.

«Нет», — подумал Сергей, — он не понял меня.

— Ну да! — сказал он громко. — Попробуй найди! В такую погоду только в шахматы играть.

— Не спорю, — сказала отец. — Погода, конечно, не так... Но я бы очень хотел, чтобы ты поступил в акадецию. Вот тогда мы, конечно, зस्ताли бы лучше зорька, когда ты жива на воде и солнце... Но и сегодняшней дождь не помеха: у нас с тобой есть непромокаемые наклейки. Да и разве это дождь! Это так, чепуха как-то. Даже приятно.

И он засмеялся, довольный... Он ни о чем, наверно, не думал, а если и думал, то только о рыбе, которая улетела из залива. И слыш его, казалось, пришла в этот, хотя и не раздала отцовских слов.

«Главное на такой рыбалке», — думал он, — вовремя смыться домой.

Но думая так и сердясь на отца, он не мог забыть в себе необратимой лудчи и удивления к нему, знаю, что этот не успешный стартерист делал, как сама вода, лещей, этот сумасшедший человек, бредящий о лещах, все и всегда в жизни делал, забывая о себе: воалла, уния детей, сам учился, любил и мечтал о мирных и спокойных снах для всех — по лачам мечтал... не славной снами...

И Сергеев вдруг показалось, что он неперомком обидел отца своим неверием в хороший улов... Он улыбнулся виновато и сказал:

— А я и не сомневался в этом.

Но отец уже не слушал сына: он тоже ждал, что сын его, как и сам он, никогда не устояния в воде.

На щедрой земле воронежской живет и работает целая плеяда молодых талантливых поэтов. Это Владимир Гордейчев, Анатолий Жигулин, Олег Шевченко, Людмила Бахарева, Валерий Мартынов и другие. Их стихи — это та поэзия, когда поэтические сердца облают вращающийся спидстайк на шоссе, доброй, отзывчивой. Яркие, бойцовские интонации отмыкают стихи очень своеобразного поэта Владимира Гордейчева: есть в его таланте что-то от сапера — он тоже ищет замаскированные «минусы» равнодушия, которые роятся под активностью и мне нравится, что в этом бою у себя, на родной воронежской земле, Владимир Гордейчев ищет таких товарищей, как Анатолий Жигулин, Олег Шевченко...

Олег Шевченко еще недавно был солдатом, а сейчас он студент. И в его стихах чувствуется железный солдатский ритм, размашистость (порой, правда, переходящая в небрежность). Стихи его публикуются, значащие, и это оттого, что за ними стоит такое сердце поэта, удивленное раз и навсегда красотой великой общности, которая зовется коллективом.

Людмила Бахарева лиричная, чуждое, и ее муза, которая любит в марше ее светлого, весеннего, неослабчивого. И мне хочется пожелать воронежским поэтам:

— Дружба моя по поэзии и жизни, успехов вам и всего хорошего!

В. А. ЦЫБИН

Людмила БАХАРЕВА

Будущее

Памяти К. Э. Цюлковского.

Из трех миллиардов
из трех миллиардов
Но все-таки, люди,
поднимайте ваши головы
Оторветесь от мелочей,
вытрите руки
Поднимите головы, люди,
Его можно увидеть только с подбитой головой!
Будущее не придет
Атом его не будет на нашу нерасторопность вентя,
Атом его в сердце моем уместится
и будет расти день ото дня.
И если я не буду расти —
будущее
заворвет меня!

Олег ШЕВЧЕНКО

Клавдия Настасьева

Ненавижу разговоры кабинетные,
даже
ещели они о кибернетике,
а тем более
когда в них о профессии,
о моей с тобой профессией —
поэзии.
В разговорах этих
сам беру я горло,
опонентов определяю гордо,
обо всем я спорю,
что меня касается,
удивительно,
только
Только все мне это
здорово не нравится,
потому что это
очень незначительно.
Ненавижу разговоры кабинетные,
разговоры
даже вроде и конкретные,
но стоят они
безмятежно
на станции
от отворенной от всех дорог абстракции.
Не возить их
по большим дорогам
груза.

и пока мне
в кабинетах этих спорится,
дождется меня
в прихожей Муза
и беседует тиканочко
с уборщицей.
А уборщица-то
Клавдия Настасьева —
обошлась с ней жутковато
не грубо и не ласково.
Были в жизни
целования влюбленные,
женщи,
на все для Клавдии готовые,
а потом
к ней приходили поворонные,
и мешки ее сгибали столбуемые.
Словом,
вся ее история
обычная,
только Клавдия
несколько не обидчива.
Только очень ей
не нравится,
Настасьеваой,
ей,
уборщице,
до слез горючие грустно,

что стоим мы все
безмятежно
на станции
и не возмиз
по большим дорогам
груза.
Вы простите меня,
Клавдия Настасьева,
только Муза моя
с вами не останется,
и довольно ей
сплоняться коридорами,
и газет,
как вы склоняетесь
над венником,
и следить за мной
с умышленным недобрыми,
как я тоже
начинаю спать
бездельником.
Я хочу проинить
нелегкой славою мастера,
что мои слова
не устакан монетные.
Вы простите меня,
Клавдия Настасьева,
за пустые разговоры кабинетные.

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

На холостом ходу

Думало с усмешливо грустью
о словах, нечетверных сплюс:
«Мальчино, покаянство, не трусьте,
лучше честно лезьте направо!»
Что тут смежишь?
Лезть, коль охота.
Случай до банального простот:
ломится в открытые ворота
парень, пораженный слепотой.
А наводчик руки потряв.
Ротом, ухмыляя, не нова:
здорово молодчик поворачивает
все его, наводчика, слова.
Падкие на зловчатое слово,
как вам мало надо, «бутарино»
показала за смеялость — и готово,
гопким ладонями бери.
И бери.
Еще бы:
«смешишь парень,

не желая видеть ничего,
позвале собрата благодарен,
объявляет гениед его
и готов заехать бескористно
всем его соперникам под дым...
Только ли карьеры карьеристов
делались руками молодца?
Этих нас не кулиши.
Наим доброт
стойничий надежнее и знаи,
в горных муках выстраданный опыт
стойкого презрения к болтунам.
Мир встает пугающе огромный,
без опор попробуй удержиши.
Мальчино шутокми заманной
повероят собственному мозгу.
Но пока словес пустые бубны
грохотят — аж пламя из-под веки! —
и нас, бывалых, тгостно и трудно
вытравив двадцать первый век.

Валерий МАРТЫНОВ

Чемодан

Дай ручку мне,
старый мой чемодан.
Она у тебя в пыли.
Ты поминишь:
в угрюмой Хамар-Дабан
мы караваном шли.
Спохват и падал ты —
из бага
плохой получился выюк.
Смехлясь начальник,
ус теребит:
— Теперь чемодану каюк!
Сквозь югги сучьея
и груды каменной
прорвался ты, смая зыбик.
Легли под колпота наших коней
кожи твоей куски.
Однажды тебя
и понесла, быстра.
Потом опалил я тебя слегка,
подсушивая
у юстра.
Ты поминишь:
в гостинице «Бузарст»

для нас
не застыло мест.
Швейцар косился,
губы поджав,
на мой
пудовый сапог,
на мой пропахший
бензином пиджак,
на твоей
изодранный бок.
Кругом
чемоданов стояли рядом,
одеты в чехлы, как в пальто.
Никто из них
не выдал руды,
мохом не пахнул никто.
Дороги идут
на север и юг.
Кто хочет —
может свернуть.
Дай ручку мне,
руку мне,
старый друг,
мы самим
выбрали путь.

Просто аферисты

Венцелю Фрешеру, аладельцу пилота в Бергоне Баварии, почталон владения голландской компании и гириши в аферисты и пришлось за членеи.

«День Исис» раздербанывает Земля обречена. Скоро мы все ознакомим под властью расы нечеловеков. Космические дайверы Венеры уже готовы к полету на Землю. Вращение фютов была обещана Венерию производят набор землей, которые могли бы им помочь в образовании Всемирной республике. Им требуется клирты, тайные агенты, ученые, врачи, макинисты, подкачки, деньги. Тем, кто омажет гостеприимней расе финансирую поддержку, получат двенадцать фютов земной планеты.

У Венцеля Фрешера наличные деньги в количестве 10 миллионов фунтов, он сумел получить в банке четиры фютов странов и отправил эту сумму змиссарам Всемирной республики Венеры. Змиссары жили в Чикаго.

Скоро он получил от них извещеие о присвоении ему, Венцелю Фрешеру, звания советника по экономическим вопросам (продовольственные товары). Польщеный извещеием стал с нетерпением подкадывать День Исис. Его нетерпение раздербанывает, вложившие деньги в далекую планету. Кто-то слышал в Венере последние шашки, подкадывать надомное извещеие. Например, Хельмут Милле, которому принадлежит клирты Всемирной республики Гарантии? Разумеется. У него, как и Фрешера, имелся паспорт, удостоверяющий его новое, венусанскую национальность.

В настоящее время на Земле насчитывается несколько тысяч подкадывателей Венеры. Все они имеют венусанские паспорта, на которых стоит подпись змиссара по вопросам Земляности Карла Менкса.

Карлу Менксу судьба уготовила родиться не на Венере, а в Австрии. И до известного возраста он вообще думать не думал об Утренней звезде.

Карл Менкс был офицером СС, затем конкищником Личеи, затем платным агентом американской разведки. Уверова в безнравственность, занялся контрабандой оружия и сигаретами. Фрэнк и сбжал в Чили.

По дороге, Менкс познакомился с неприятом Вебер-Рихтером, пройдохой из провинции. Менкс стал работать на плицтшерера, а Вебер-Рихтер после нескольких неплохих афер заинтересовался космосом. Это было вре-

мя, когда полеты первых советских спутников возмущали начало космической эры. Человечество торжествовало победу. Вебер-Рихтера спутники не интересовали. Его интересовала только валюта. И он решил поимать-ся на космическом энтузиазме. Вебер-Рихтер основывает Всемирную республику Венеры и вызывает с плицтшерера Карла Менкса, чтобы получить ему защиту безопасности космическо-го государства. Ититулу амниции в обязаности и вербона новых подкадывателей.

День сразу ползу в гору. В своем офисе в центре Сантьяго Менкс и республику Венеры устанавливает диктатор-теиогенристам декреты, зинты и эконоинические планы Всемирной республики. В газетях и журналах Австрии, Италия, ФНГ, Швейцарии, о чем-то объявляет селамановские аферистов. Заинтересовавшиеся начинают прибавлять капиталы. А вскоре повилась солидный труд на шестистах двадцати девяти странках «Венусанской Всемирной республики Венеры». Она должна была войти в силу после захвата Земли венусанцами.

Количество людей, повлившись на удаче, значительно превысило первоначальные расчеты змиссаров. Вскоре выяснилось, что надо было вычитать двадцать тысяч фютов. Чтобы лучше управлять своими под-

Разумеется, все только что рассказанную историю можно было бы целиком отнести на счет глупости. Дескать, что с дураком возмьешь, так и мы и надо. Но все же надо признать, что столь пышно глупость может расцвести только на хорошо увлажненной почве. Менкс и Вебер-Рихтер сорвали урочая с поля, которое не имело засеканий. Идею космического вторжения была брошена в массы обывателей еще семнадцать лет назад.

«Сосереры» — блудцепоклонники

24 июля 1947 года налитану военно-воздушных сил США Кинетью Арнольду, претставшему в районе одной из высочайших вершин Северной Америки, горы Ренья, привиделся в воздухе сплещивающийся в области атмосферных слоевга полет космического движущихся слега похожих на блудца предетов. На ситуационный день тактиственные блудца прочно обосновались на первых полках американских газет. Тут же обнаружилось новые очевидцы. Бывало за неделю число наблюдателей в области атмосферных слоега летаче блудца, превратило за сотню. Повлившись первые фотогра-

большешивиков? С легкой руки Пентагона такой вопрос не сходя со страниц американской печати.

В сиорые времена, однако, генералы забеспокоились. Уже болыно беспомощно выглядел в этом свете сам Пентагон. От «большешивиков» версий пришлось отказаться. Тогда-то и выплыла впервые космическая «теория» происхождения «летающих блудцев».

«Космическую версию» сразу ухватили разного рода авиаторы и аферисты. Погоня за «летающими блудцами» стала своеобразной культурной профессией. «Сосереры» — «блудцепоклонники» появились в большом в умении красноречиво и правдоподобно описать свои «свидетельства» и космическими «кораблями». Конкуренция быстро привела к огромному наплыву. В марте 1950 года некий Сайлас Ньютон заявил о том, что ему удалось установить в непосредственном контакте с экипажем «летающего блудца». Вслед за ним такие же претензии заявили другие «свидетельствующие». Наибольшую известность из них получил американский авиатор, выдававший себя за астроинженера-любителя. Адамский якобы не только встретился с экипажем Венеры, но путешествовал вместе с ними по Солнечной системе. Вскоре в 1957 году, опубликованные в 1953 в 1957 году, соприкасались фотографиями «летающих

А. ЕФРЕМОВ

неру, звания советника по экономическим вопросам (продовольственные товары). Польщеный извещеием стал с нетерпением подкадывать День Исис. Его нетерпение раздербанывает, вложившие деньги в далекую планету. Кто-то слышал в Венере последние шашки, подкадывать надомное извещеие. Например, Хельмут Милле, которому принадлежит клирты Всемирной республики Гарантии? Разумеется. У него, как и Фрешера, имелся паспорт, удостоверяющий его новое, венусанскую национальность.

В настоящее время на Земле насчитывается несколько тысяч подкадывателей Венеры. Все они имеют венусанские паспорта, на которых стоит подпись змиссара по вопросам Земляности Карла Менкса.

Карлу Менксу судьба уготовила родиться не на Венере, а в Австрии. И до известного возраста он вообще думать не думал об Утренней звезде.

Карл Менкс был офицером СС, затем конкищником Личеи, затем платным агентом американской разведки. Уверова в безнравственность, занялся контрабандой оружия и сигаретами. Фрэнк и сбжал в Чили.

По дороге, Менкс познакомился с неприятом Вебер-Рихтером, пройдохой из провинции. Менкс стал работать на плицтшерера, а Вебер-Рихтер после нескольких неплохих афер заинтересовался космосом. Это было вре-

данным, они переперали побанке и нем и в 1959 году обосновались в Риме. Менкс был в качестве Дня Исис. После этого в Италию завозились деньги. Пришлось срочно издать официальное наименование. «Вторжение откладывается в связи с недостаточным количеством населения штата Всемирной республики». Опубликованном коммюнике, змиссары приготовились дать делу, но им повезло. Тобора продолжилась, она не подошла срок нового Дня Исис. Менкс рассказывает «венусанскую историю» в связи с недостаточным количеством населения штата Всемирной республики. «Внезапная и трагическая смерть» засекания на планете и торжестве. На процессе Менкса и вскрылись некоторые подробности из жизни Всемирной республики.

Кто-то из венусанцев устыдился и разорвал свой паспорт. Но многие продолжают подкадывать Дня Исис. А в Риме функционирует правительство Всемирной республики Венеры во главе с верховным змиссаром Фрэнцем Вебер-Рихтером.

Кто-то из венусанцев устыдился и разорвал свой паспорт. Но многие продолжают подкадывать Дня Исис. А в Риме функционирует правительство Всемирной республики Венеры во главе с верховным змиссаром Фрэнцем Вебер-Рихтером.

фи таинственных объектов. Америка ждала объяснений. Выступил в этом момент с толпвыми заявлениями никто из видных американских ученых — сплещивающийся в области атмосферных слоевга полет космического движущихся слега похожих на блудца предетов. На ситуационный день тактиственные блудца прочно обосновались на первых полках американских газет. Тут же обнаружилось новые очевидцы. Бывало за неделю число наблюдателей в области атмосферных слоега летаче блудца, превратило за сотню. Повлившись первые фотогра-

Трудно продолжать список очевидцев, привлеченных Пентагоном к расследованию «летающих блудцев», были недостаточны квалифицированы, чтобы не разгадать иллюзии, а именно, характерные для подобных сообщений. Но в интересе Пентагона было не услуживать и вудурднать общественное мнение. Расчет простей. Малютану американцев не станет возражать против роста военных ассигнований.

Так космос впервые стал предметом политической сплещивания. «Летающие блудца» была уготована сорокденная роль в разжигании «холодной войны». Не ятлетуюсь ли «летающие блудцы» секретным оружием

блудца», схемати внутреннею устройств космических кораблей, рисованиям венусанцев, свидетелей якобы с натурой очевидцами, наконец, фотографиями подкадывателей, удостоверяющих контакты Адамского с представителями «ниего мира».

Трудно сказать, сколько летало погласно на учению Адамского. Во всяком случае, срывали разногласия огромными тиражами.

12 апреля 1961 года всем «блудцепоклонникам» был нанесен сокрушительный удар. Весь мир увидел в телевизионном эфире космонавты — вот они действительные обитатели околосредного пространства.

Блудцеподная эпидемия стала затихать. Сокращение не только недовольства. Недавно состоялся новый запуск «летающих блудцев».

В прошлом году английский молодежный журнал «Тудей» опубликовал статью итлетания Венеры, которую «Люди из космоса снимают карту Земли».

Минет, ознакомившись, во Франции учитель-анализатор А. Мишель. Этот Мишель, на о бобулу ему буди сказано, долго время не верил в «блудцы» и свелся на «блудцепоклонника». На свое несчастье, он решил разоблачить их с карандаша в руках. Этим он нанес на карту Франции массу точек, обозначив все «свидетельства», где видели в небо что-нибудь не-

поинтов. Потом он соединил эти точки линиями и получил несомненный результат: большинство линий пересекались в одной точке. Продали эти линии за пределы Франции, А. Мишель «заказ» орбиты «летающих блюдца», которые тут же оспаривали «католическими». Точка пересечения орбит, кстати, совпадающая с пересечением границы Франции, Швейцарии и ФРГ, по-видимому, должна указывать на местоположение «таинственного блюда» или «блюдца-матери».

В журнале прочту письмо А. Мишеля неизвестному английскому другу: «Моя теория односторонне исследователям метода и опыта. У нас нет никаких сомнений, что наблюдение за мной в будущем в Сидней, Австралия, террестриалов (читатели других миров... Ей является, по моему мнению, частично, по большим орбитам. Мы начинаем понимать систему наблюдателя, именно наблюдение «летающих блюдца» «сайтинга». Мы начинаем понимать систему предсказания. Не здесь ли зарыта собака? Автор статьи в «Тудей» по собственным исследованиям проложил одну из орбит Мишеля на территорию Англии. Вот, дескать, там «блюдца» и «таинство». Теперь остаётся ждать исполнения предсказания. И оно не заставило себя ждать».

Последние недели и сутки много говорили о привидениях и странных звуках в Сидней, Австралия, и другие повести, которое лежало у них на пути. Даже в присутствии Луны заведёт это место было «удивительным».

Очень трогательное начало. Но давняя история развивается в бешеном темпе. И вот, наконец, семидесятилетний малай из деревни Солтауд, нервно беря взгляд с угрожающе шумящего несущего облака. То, что он увидел там, заставило его волосы встать дыбом... «Теперь тебе, малай, удивительно».

Красное падало с неба под углом в шестьдесят градусов. Когда оно достигло земли, оно будто заведомо свое движение. И всё помирнело хладными потоком, пока оно не исчезло за деревьями.

То, что Дино и его спутники увидели вслед за этим, заставило их пообещать от уюта. Аerial золотой свет неожиданно возник в поле перед ними.

Он был примерно в двухстах метрах от нас... рассказывал

Дино... и пыла на высоте трех метров над землей. Казалось, он двигался вместе с нами. Останавливался, когда мы останавливались, или будто наблюдал за нами. Свет был ослепительным, около шести метров в диаметре, ирридный и точно очерченный. Он исчез за деревьями, и через несколько секунд появилась таинственная фигура. Она была все в черном, малайского роста, но без головы. По обеим сторонам у нее были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали.

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

« Был ли это человек из космоса? Когда рассказ Дино в Австралии распространился по округе, возникли сотни очевидцев. Из уст у него были крылья, подобные летучей мыши. Она направила к нам, и мы убежали».

новоземцев, и в то же, что утверждает, что интервенция осуществляется на наших глазах. Пора перефразировать третью теорию, что относит оккупацию Земли космическими пришельцами в прошлое.

Отвергнись сразу. В данном обзоре мы не хотим вступать в дискуссию в самой возможности посещения Земли в прошлом представителями иных разумных миров. Но, как бы ни была правдоподобна гипотеза, в ее распрямлении еще нет хоть сколько-нибудь достоверных.

Есть догадки, порой остроумные. Есть домыслы, порой заманчивые. Есть предположения... О них и пойдет речь.

Обозначим не занимают из любви и искусства. Шулер — профессор и выдвигает, по высказыванию, что может наложить бока. С двумя французскими учеными Луи Пуалом и Жаном Вернье разработана гипотеза, в ее распрямлении еще нет хоть сколько-нибудь достоверных.

Есть догадки, порой остроумные. Есть домыслы, порой заманчивые. Есть предположения... О них и пойдет речь.

Обозначим не занимают из любви и искусства. Шулер — профессор и выдвигает, по высказыванию, что может наложить бока. С двумя французскими учеными Луи Пуалом и Жаном Вернье разработана гипотеза, в ее распрямлении еще нет хоть сколько-нибудь достоверных.

Есть догадки, порой остроумные. Есть домыслы, порой заманчивые. Есть предположения... О них и пойдет речь.

Обозначим не занимают из любви и искусства. Шулер — профессор и выдвигает, по высказыванию, что может наложить бока. С двумя французскими учеными Луи Пуалом и Жаном Вернье разработана гипотеза, в ее распрямлении еще нет хоть сколько-нибудь достоверных.

Есть догадки, порой остроумные. Есть домыслы, порой заманчивые. Есть предположения... О них и пойдет речь.

Обозначим не занимают из любви и искусства. Шулер — профессор и выдвигает, по высказыванию, что может наложить бока. С двумя французскими учеными Луи Пуалом и Жаном Вернье разработана гипотеза, в ее распрямлении еще нет хоть сколько-нибудь достоверных.

Есть догадки, порой остроумные. Есть домыслы, порой заманчивые. Есть предположения... О них и пойдет речь.

Обозначим не занимают из любви и искусства. Шулер — профессор и выдвигает, по высказыванию, что может наложить бока. С двумя французскими учеными Луи Пуалом и Жаном Вернье разработана гипотеза, в ее распрямлении еще нет хоть сколько-нибудь достоверных.

Есть догадки, порой остроумные. Есть домыслы, порой заманчивые. Есть предположения... О них и пойдет речь.

Обозначим не занимают из любви и искусства. Шулер — профессор и выдвигает, по высказыванию, что может наложить бока. С двумя французскими учеными Луи Пуалом и Жаном Вернье разработана гипотеза, в ее распрямлении еще нет хоть сколько-нибудь достоверных.

Есть догадки, порой остроумные. Есть домыслы, порой заманчивые. Есть предположения... О них и пойдет речь.

Обозначим не занимают из любви и искусства. Шулер — профессор и выдвигает, по высказыванию, что может наложить бока. С двумя французскими учеными Луи Пуалом и Жаном Вернье разработана гипотеза, в ее распрямлении еще нет хоть сколько-нибудь достоверных.

Есть догадки, порой остроумные. Есть домыслы, порой заманчивые. Есть предположения... О них и пойдет речь.

Обозначим не занимают из любви и искусства. Шулер — профессор и выдвигает, по высказыванию, что может наложить бока. С двумя французскими учеными Луи Пуалом и Жаном Вернье разработана гипотеза, в ее распрямлении еще нет хоть сколько-нибудь достоверных.

Есть догадки, порой остроумные. Есть домыслы, порой заманчивые. Есть предположения... О них и пойдет речь.

Обозначим не занимают из любви и искусства. Шулер — профессор и выдвигает, по высказыванию, что может наложить бока. С двумя французскими учеными Луи Пуалом и Жаном Вернье разработана гипотеза, в ее распрямлении еще нет хоть сколько-нибудь достоверных.

Есть догадки, порой остроумные. Есть домыслы, порой заманчивые. Есть предположения... О них и пойдет речь.

Обозначим не занимают из любви и искусства. Шулер — профессор и выдвигает, по высказыванию, что может наложить бока. С двумя французскими учеными Луи Пуалом и Жаном Вернье разработана гипотеза, в ее распрямлении еще нет хоть сколько-нибудь достоверных.

энергии, доставляли над всей Землей ни много, ни мало тридцать тысяч лет. И единственным их материальным следствием являются циплопические каменные постройки.

Именно это и хотело доказать Пуал и Бернье. Циплопические постройки особенно были их сердцу. Ибо вторая половина их книги увидит нас лучше первой: у циплопических циплопических построек, сооруженных не иначе, как с помощью огромной энергии, огромные ступени; следовательно, люди, жившие в эпоху атомных взрывов. Были гигантами, а циплопические статуи того времени были сделаны в натуральную величину.

Вы еще не чувствуете, куда гнут два ученых языка? Так поднимите. Оказывается, искусство радиоактивности, вызванная атомными взрывами, благоприятно сказывается на физическом и умственном развитии человека. Оказывает, мутации, вызванные радиоактивностью, превращают человека в гиганта и гения!

Дальше, как говорится, ехать некуда. Но Пуал и Бернье едут дальше. Может быть, зайвуют они, новый процесс ускорения человеческого расы под воздействием стронция-90 уже начался? Показатели! На сцене не появляется английский доктор Фред Томсон, школьный психиатр, бывший ассистентом доктора Том-

сон обнурили семидесятилетнего мальчика на территории Австралии. Он интересуется астрономией и решил астрономические задания. Занимательные описания, предсказания, исследование пяти тысяч школьников. Результаты тестов попросили рассмотреть в изумлении; описывается, дети стали намного умнее, начавшие читать в полтора года. Отчего бы это? Томсон ответил: догадался! Ей полагаю, что причина кроется в радиоактивном элементе стронция-90, которого не существует до первых атомных взрывов».

Томсона подделал американский газетчик. Он обнурили следующие закономерности: вдумчивые все чаще сохраняют свои способности при возмущении. Вынают опять же спасительная радиоактивность.

Нужны ли еще доказательства? Пуал и Бернье считают, что все ясно и так. Да здравствует стронций-90, да здравствуют ядерные взрывы!

Вот до какой степени могут дойти ученые, вставая на путь, как будто невинных почтенный податосом. Вся эта история — библейская сказка, мифы, бальбенскими колоннами и шестигранными статуями обнуляются глупой политической спекуляцией.

А спекуляторы, как и воров, нужно хватать за руку.

Что мы и делаем.

Что мы и делаем.

Что мы и делаем.

Что мы и делаем.

Что мы и делаем.

Что мы и делаем.

Что мы и делаем.

Что мы и делаем.

Что мы и делаем.

Что мы и делаем.

Что мы и делаем.

Что мы и делаем.

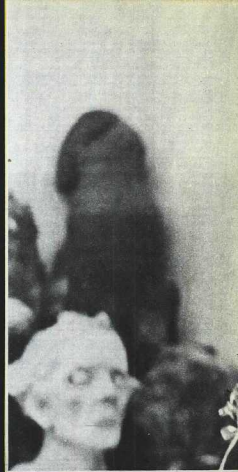
Отравители планеты

Мы рассказали о том, что предсказывал будущее вторение на землю

стронций-90

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО

НЕ МЕРТВЫЙ КАМЕНЬ...

— Вы знаете Витора Гончарова?

— Да. Это порт, который я свободное время занимаюсь скульптурой.

— Так говорят о Виторе Гончарове. И, говоря так, ошибаются. Для Гончарова и поэзия и скульптура — профессия.

— Как порт Витора Гончарова не мудновато — представляешь журналиста или критика. Но о том, как он работает в качестве скульптора, стоит рассказать.

Можно сказать, что среди профессиональных скульпторов распространены два метода работы: один, как говорят, «ткнуть» форму, другие «рубят» ее. Иные методы работы — почти исключены. Исключения в этом смысле и Витор Гончаров. Он почти ничего не делает с материалом. Материал для него — уже почти готовый образ, или, вернее сказать, полуобраз (да простит он нам это сравнение).

Писатель Александр Грин в основе рисовки умеет видеть фантастические города, наполненные человеческим смехом и любовью, города с ослепительными закатами и тропическими ливнями, немисливными растениями и всевыми жителями,

говорящими на несуществующем языке. Тогда он садился за стол и писал, тогда вырисовывалась тема и рождался сюжет.

Кто-то, говоря о методе работы Гончарова, очень удачно и кратко вспомнил сцену из «Гамлет», где принц, глядя на движущееся облако, сравнивает его сначала с верблюдом, потом с коровым и нитом. Все люди обладают известным воображением. У Гончарова оно развито до предела, и бы сказал, до совершенства. Как художник он доверяет природе, а не вступает с нею в спор. В созданных при-

Эрза

Негр

Сотьяватчано

Рыбак

Мина

роды — будь то корни дерева или глыба камня — он как бы выискивает свои образы. Должно быть, во время работы над скульптурой Гончаров чувствует себя не столько создателем, сколько помощником природы, ее подругим. Вот почему он едва притрагивается к материалу, никогда не нарушая естественной линии ее формы. Он как бы «промыывает», концентрирует черты того, что увидел. Этот союз скульптора с природой дает ему и другие преимущества. Созданные природой, ее фантазия бесконечно многообразна, поэтому так многообразны и произведения Гончарова. Они то проникнуты лирической и задушевностью, то ироничны и насмешливы, то полны содерзательности и худости. Глядя на работы Гончарова, легко заметить, что диапазон, на строении и там его вещей в полной мере зависит от души, мастера. У Гончарова материал — это не мертвый камень или кусок дерева, он имеет свои темперамент и психологию.

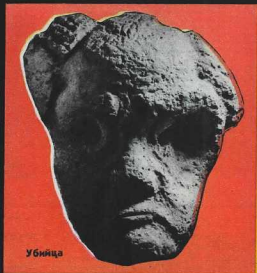
Поэтому так беспрдельно многообразны и сюжетно разнообразны Гончарова. То а форма и линии слов камня он выводит удивительное созвучие с чертами лица реального человека; он ведь брону камень резцом — и перед нами законченный портрет писательницы Маршеты Шагиня. То фантазно художника раздутой чашей и форма древнего корня, и отсюда все, на его взгляд, лишний, углубил нечеловеческие черты: скульптор создает образ мидийского радия. То камень, найденный на морском берегу, оживает в руке художника, превращаясь в необыкновенно характерный и шармированный тип, который автор назвал «Сестом». То корявине дерева превращается у Гончарова в развеселого «Бранина», знакомого пушкинского Бардама; чужой шумачина с запоминающимися выпаленными омазывается сильным, обостренным лицом старого рыбака, а в увлечении разветвления дерева скульптор увидел трагедию Агирисима, и создав монументальное по силе выразительности произведение. Так работает, так создает свои скульптуры Виктор Гончаров. Решать вопрос, кто он востан — поэт, занимающийся скульптурой, или скульптор, пишущий стихи — не так уж важно. Важно, что в то и другое он делает ирело и самобытно.

А. НИКОЛАЕВ

Материнство

Маршета Шагиня

Убийца

Бранин

Скорбцава

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

Особенная, лесная тишина. Крутом ни души.

Тайга дремучая, непроходимая. С трудом пробираются лучи света сквозь густую хвою вековых елей. Медленно кружатся, падают желтые листья. Можно пройти по такой тайге сотни километров, не встретив человека.

— Но вот по земле стелется легкий дымок, а вдали слышатся голоса. Лишь несколько шагов — и я на преграде.

Девушка у костра старательно машет большой ложкой в котле. Около нее трое парней. Это бригада монтажников.

Вот кто я и искала. Нет, я боюсь забыть: тайга стоит не на крутом

берегу могучего Енисея, а над изротной Московской рекой... Мы в одном из съемочных павильонов «Мосфильма». Снимается «Негасимое пламя».

Терпеливо жду, когда погаснут наверху софиты, так эффектно высвечивающие все scene action. Когда зрители перестанут бросать листы в поток воздуха из мощного вентилятора, который замирает их пламене и делает его таким плотным.

Камеи мне разрешат пройти на съемочную площадку.

Вместе с такими известными актерами, как Зинаида Бутуркина, Борис Зубов, И. Н. Волков, в фильме заняты и молодые. Для Ирины Левченко и Георгия Обозниенского «Негасимое пламя» — дебют.

Они смеются, узнав, как меня поразила декорация. — Вы, наверное, никогда не были в настоящей тайге? А мы провали на Енисей несколько месяцев.

Я все свободное время пропадал в тайге — рассказывает Георгий.

Рыбак и охотник, он увлеченно говорит о щедрости Сибирской природы.

— А знаете там люди? — перебивает его Ирина. — Это настоящие герои.

— Знаете, после того, как мы побывали на съемочном тали, там, которые работа-

лись сыграть своих героев убедительно, показать атмосферу друими и взаимопомощи, их стойкость, увлеченность своей работой, настоящей, не киношной героизме.

Сквозь ставится по повести Г. Берези «Любить и не любить». Имена бригады монтажников, судьба старшего комиссара Николая Армени Караваева, борьба светлого и созидательного с подлым и эгоистичным, друзья двух поколений — вот его содержание.

Та же дружба и преемственность между поколениями особенно близка постановщику фильма, известному режиссеру Ефиму Лаврову Дингушу, автору фильма «Мы из Кронштадта», который с увлечением рассказывает о своем мастерстве, умениях тайги и кинематографически показать художественную правду.

Истает, сейчас в павильонах «Мосфильма» работает самолично выпускников его мастерской. Один из них, Э. Косован, за один лишь прошлый год был дважды удостоен международных премий. Интересным режиссером общается с нами В. Кинешин. Аниматором пришел во ВГИК из конструкторского бюро. Поразило его умение работать с детьми: они живут перед его камерой естественно и непринужденно. Творчество Кинешина, отме-

ченное острой комедийностью, мы скоро сможем оценить и сами. Его первый самостоятельный фильм «Доброе пожаловать» почти доброе пожаловать почти го-

Вместе с ассистентом В. Ивановым и Д. Данган превратил съемочную площадку своего фильма в своеобразную творческую лабораторию. Занятия по режиссерскому мастерству проходили у студентов прямо на «Мосфильме». Будущие режиссеры видели, как постепенно воплощат-

ся замысел постановщика, начиная от первых кадров до монтажа целых эпизодов. Но случается и Д. Данган говорит, что и для него тайга является очень интересной: студенты стали не только его учениками, но и первыми критиками. «Негасимое пламя» — фильм не только на съемочной площадке, человека творческого духа, который остался верен себе, несмотря на все превратности судьбы.

Н. СЛАВИНА

Кадр из фильма. В центре — старый коммунист Каравеев. Его роль исполняет заслуженный артист РСФСР И. Н. Волков (сплоем вверху).

Зинаида Бутуркина и Борис Зубов в фильме «Негасимое пламя».

Мистификациями называют литературные подделки. Они бывают трех родов: подделки произведений народного творчества, подделки авторских сочинений и так называемые «ложные переписки».

Одной из первых литературных мистификаций была «Письмо Оссиана» Д. Макферсона. Шотландец по национальности, он собрал легенды родного народа, старые рукописи и в духе шотландского фольклора издал их как оригинальные поэмы вымышленного им барда Оссиана, сына Фингалла. В предисловии Оссиан был описан Гомером северных народов. Поэмы были переведены на многие европейские языки, ими уверовали во Францию (Шамартий), в Германию (Клопшток, Гердер, Гейне) в Россию (Державин, Жуковский, молодой Пушкин). Сомнения

в подлинности «Оссиана» возникли еще при жизни Макферсона, но долгое время было поэтическое обаяние этой талантливой подделки.

Аналогичной была судья «Прыгальдорского рукописи» в чешской литературе. В начале прошлого века филолог Вячеслав Яна, сотрудник национального музея, нашел Оуго бы обнаруженную им в Г. Крайев-Двор

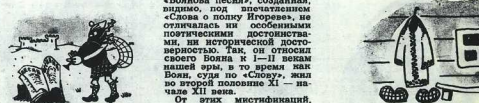
рукописи XIV века, содержащую народные песни. Подобно Макферсону, подделка была филологически тонкой, имела ряд поэтических достоинств и оставалась нераскрытой 40 лет.

Гораздо легче было распознать подделки, подобные «Войновому песню» А. И. Суламанова. Это был русский авантюрист начала XIX века, собиравший старинные рукописи, которые он имел обыкновение поправлять и дописывать на свой лад. Его «Войновое песню», созданная, видимо, под впечатлением «Слова о полку Игореве», не отличалась ни особыми поэтическими достоинствами, ни историческим достоверностью. Так, он отписал своего героя к I—II векам нашей эры, в то время как Воин, судя по «Слову», жил во второй половине XI — начале XII века.

От этих мистификаций,

где авторы всерьез защищали мнимую подлинность своих произведений, следует отличать шутливую мистификацию, проделанную Проспером Мериме. Свою первую книгу, «Тягуче Крамар Галуа», он привнес никогда не существовавшего испанского автора. К сборнику были приложены ее вымышленные биография и портрет, изображавший самого Мериме в женском платье. Вторая книга Мериме, «Гольфи», тоже была мистифицированной жонглированием имен Юлиана Фоминича Маглановича. Подлинность этих песен, поначалу не вызывая сомнений у Пушкина, пока сам Мериме в любовном письме не признался ему в своей преле.

Особенно часто мистификаторы «продлевали» и «увеличивали» оставшиеся незавершенными произведения

ВРЕМЯ

В новом спектакле Большого театра, «Спящая красавица» П. И. Чайковского, Нина Соронина танцует партию Феей Крилатою. За последние месяцы до этой премьеры артистка успела выступить в роли Машы в балете «Щелкунчик», а два года назад Нина Соронина исполнила Давроховскую. И в смерти она и Валерий Антонов покорили Париж.

Тогда восемнадцатилетие выпускницы балетной школы в Москве было установлено традицией выступить с отчетным концертом перед массовым зрителем, принятым участие в фестивале студенческих театров в Италии. С первого же выступления они сломали рамки фестивального ритуала — итальянцы заставили покорить концерт. А танец Нины Сорониной итальянская пресса назвала «классическое искусство балетного Останкино» только оправдать эту характеристику у себя дома — в Москве, в Большом театре.

В тот день, когда Нина Соронина выступала на второстепенной партии балета «Изнанка», был дебют ее одно-

классницы Натальи Бесертовой в партии Мишлы. Сорониной аллодиоровал. Бесертовой восхищала. А когда затеяла овацию и отсутств зрительный зал, на сцену вышли двое юношей и девушка. Наталье Бесертовой, девушке сделала несколько неверных шагов по сцене, поманив лаской, опираясь на руку партнера. И вдруг все увидели, что она идет по кругу, поворачивает тучей, спит в лесу, немного влюблена, эта прелесть девушки с ринкомом за плечами. В заключение зал Большого театра после спектакля Нина Соронина релетировала балет «Баянчик». Становилась, ставила ее с восторгом Владимир Васильев на танцевала себя, свою сверстницу, свою современницу.

Сейчас о Нине Сорониной много говорят и пишут, и, надо сказать, она оправдывает высокую оценку. Впрочем, нельзя не заметить, что пока неодолеет балерина в поиске, она продолжает искать свою тему. Хочется пожелать артистке дальнейших успехов в ее сценическом творчестве.

ГЕРОИ ИДЕИ — КОМСОМОЛЫ

Мы привыкли видеть нашего современника на драматической сцене и в кино, узнавать его на полотах хула, читать в газете, видеть его на экранах телевизора. Но мало кто знает, насколько оперы или балеты, то здесь буквально наперекат комсомольских идей.

И вот на оперную сцену вышли комсомольцы. Они не только сделали несколько первых шагов в самостоятельную жизнь. Впрочем, она сцену — это не совсем верно. Опера «Дороги дальние» пока идет в концертном исполнении, поставлена она силами коллектива Всесоюзного радио. В опере «Дороги дальние» и бесхитрости. Две девушки и четверо ребят, окончив школу, решают ехать на стройку в отдаленный край. В последний момент один из друзей, Миша, остается, а остальные едут на Ангары. Но в дороге его любимая девушка узнает с товарищами. Далее действие разветвляется в двух направлениях. Одни ребята едут за сотни километров на станцию, куда должны прибыть новые машины. Там они встречают и Мишу.

Начинается пурга. Из-за непогоды случаются аварии. Миша гибнет. Но жизнь продолжается. Идет песня, а на экране вместе с другими ребятами мы видим и погибшего Мишу. Он с Мишей, кто подал в их сердца. Тогда светлой финал здесь правдивейшим не только сама идея спектакля, но и миро-восприятие авторов.

Но как бы ни была сама по себе волнующая, актуальная тема, она не прозвучит в полную силу как произведение искусства, не найдя другой воплощения в либретто, в музыке, в режиссуре постановки.

Опера «Дороги дальние» в этом отношении поистине уникальна — заслуга авторов: композитора Александра Александровича Даревского и либреттиста Юрия Мулюкина и режиссера-постановщика Иосифа Шарова. Автор, как и их герои, молод.

Теоретическое содружество четырех человек привело к созданию необычного

сценического произведения. Один из авторов оперы, Ю. Мулюкин, — кино-режиссер. Может быть, поэтому опера разлита не на картинах, а в лирические эпизоды, своего рода кинокадры, — прием, по замыслу авторов, подчеркивающий подлинность событий, кинематографическую конкретность событий.

Один из персонажей оперы не поет. Он читает стихи. Это поэт Алгаш. Прием открытого рассказа здесь органично входит в жанр сюжета — стихотворение, текст вступает, перебивает действие, часто опережает события: без этого трудно было бы добиться единства драматической сцены. Роль Алгаша напоминает роль хора в греческих трагедиях. Но в то же время лирида эта традиционная, условная. Алгаш не только не ошибается. Авторы вышли за рамки жанра и создали новаторское, оригинальное произведение, рассказав о подвиге молодежи наших дней простыми, искренними и поэтичными языком.

Музыка оперы «Дороги дальние» го-

ворит о ярком даровании Александра Филаретовского. До этого он был известен как автор множества песен, романсов, музком и радиопостановок, ораторий, инструментальных концертов. Но все это лишь вехи на пути к большому таланту, которого говорилось годами.

Хочется отметить главную особенность оперы: вся она написана в едином ключе — в интонациях современной советской песни. Автору особенно удалось лирические страницы — хоры, песни девушек.

Итак, появилась молодая опера. Она не получила настоящего сценического воплощения, теперь слово за театрами. В ближайшие время опера будет поставлена в Воронежском и Донецком оперных театрах, в Оперной студии Московской консерватории. Хочется думать, что на сцене она приобретет еще большую свежесть, новизну и поэтичность.

Л. ГЕРАСИМОВА

ВРЕМЯ

ния, сообщая об «явно найденных» отрывках. Так, в свое время был опубликован текст «Слова о полку Игореве». Стрфы, выделяемые за рукописные, были на самом деле сочинены немцем Д. П. Зуевым. В 1872 году были опубликованы отрывки из второго тома «Мертвых душ», озаглавленные словом «творчества некоего полковника Петровского».

Сюжет оперы «Дороги дальние» следует отнести отчасти и к этому же периоду. Коль Мишутка, который был плодом исследования литературы по мистификации. В «Словах о полку Игореве» Толстого и братьев Жемчужниковых.

В 1901 году в Москве вышла первая издательская версия под названием «Слова Нирулама». Те, кто пытался узнать об этом мистификаторе Фидурисе в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, не находили там

Рисунки И. КЛЕШКО

этого имени. Разгадка была проста — достаточно было проехать вниз вперёд с конца, чтобы получить фамилию русского поэта Мазуркина. Мистификация основана не только на прошлом, она, хоть и редко, встречается и в наше время. Вспомните недавн в одном из newspapers русский язык. Название было опубликовано «По-весте о русском мушкетере», якобы найденная в Архиве или у какого-то русского историка. В итоге достоверная информация была искажена в результате переадресации в Швейцарию. Однако детальный исторический анализ (недостаточность некоторых исторических фактов во взаимосвязи) был и сти-стика) быстро вскрыли подделку.

ПАРОДИИ

Александр ИВАНОВ

ПОЭТИЧЕСКИЙ БРЕДНИК

Воль это неясность поэт...
И, немо вопли, взметнуло
сторону язык.
...Но тот молчит, кружко
услели.
На озвещенье баян...
...Шпалу
Синьбоб бредник.
Детг углябли.
...Вспомнишь ли черт.
Чтобы те пусто, обаяно!
(Игорь ГРИГОРЬЕВ)

На влянь, где влозит куржа,
Вамкнух с ендалью по тропень,
А мясник, обрядю анима,
Шнадыбает, туди ее в лены!
А мясник, мяснова горюпань,
И наведни баму в нилгопер,
На роком, где нога не ступань,
...Но неглино в стяхах и тапер,
На оро, где нога не ступань,
Врастопрям у дубов-распор,
Вогня, монтрапути ульра.
Мой стихотворческий бредник...

Виктор СЛАВКИН

Рисунок В. ОФЕНГЕНДЕНА

БЕШТАКТИВНОСТЬ

Юмореска

Прошел час, а я все еще сидел и не знал, что мне делать. В голове с бешеной скоростью носились мысли по наноу-то замкнутому кругу. И все перепуталось...

Я не пошел на обильное заседание товарищеского суда, потому что должен был присутствовать на сборе буважского лома. Но и к сборщикам не имело смысла явиться: через пятнадцать минут стравливалось собрание общества парашютистов-филателистов, где я должен был выступить с докладом. Разумеется, доклад я не сделал, так как в это время участвовал в соревнованиях по плаванию. Вернее, участвовал бы, но мне надо было дежурить в детской комнате клуба пенсионеров. А как мне идти туда, если в это же время меня вызывали в профком по вопросу повышения стоимости помещения?

Решил было пойти в профком, но тут я вспомнил, что на мне лежит ответственность за изготовление подарочной вазы для подшефного колхоза. Но ин о такой вазе не могло быть и речи, потому что я был ответственным за завтрашний диспут «А ты кто такой?». Нужно было спешить на репетицию.

Однако возник другой вопрос: что важнее — диспут или хлеб? Судя по часам, я уже опаздывал на хлебозавод, где вел ирруком позин. В конце концов и хлеб и позиня бессиальны перед стихийным бедствием. Конечно, надо стрелой лететь на показательный пожар, где я сегодня продемонстрирую новый способ тушения огня флюгатовыми чернилами.

А как же тогда быть с товарищином судом? А с буважскими ломами? А доклад? ... Вдруг я увидел Ллюсю.

И сразу все переменилось. Мгновенно товарищеский суд, лом, собрание, соревнования, дежурство, профком, подарочная ваза, диспут, ирруком, пожар — все отступило на второй план.

Я вспомнил о вазе. Я вспомнил о звазках, только что прилетевших птичках...

— Пойдем в парк, — сказала Ллюся. — Мы же договорились. Неужели ты забыл? Нет, я ничего не забыл. Теперь-то я знаю, что мне делать. Крепко держась за руки, мы вышли на весеннюю улочку.

В свободной руне я нес два свероченина, глаза и молоток. Сегодня в парке проводил День птиц...

Из иностранного юмора
Вместо пачки...

В квартире австрийского доктора Нюха раздался телефонный звонок. Уже четвертое ночь подряд доктору приходится тащить к богатому и чересчур мнительному пациенту.

— Ну, — сказала доктор недовольно, — на что вы сегодня жалуетесь? — Не знаю, — просто над болей, — но я чувствую себя очень плохо. Не могу заснуть: все время приходится думать о своей пачке. Да и спать мне тяжело. Мне кажется доктор, что я тяжело болен.

Врач осмотрел пациента и спросил: — Вы уже написали свое заявление? — Да, но неужели я должен умереть? — искренно пораженный богач и, глядя на врача круглыми от страха глазами, выдал: — Еще не написал.

— Тогда немедленно позвоните своего адвоката.

— О-о-о! — Пусть немедленно придут ваши дети и родственники.

Бледный, дрожащий пациент вылезал по телефону адвоката, друзей, братья. После этого обеснанный упал на кровать и умоляюще взглянул на врача.

— Доктор, неужели нет никакой надежды? — Конечно, наоборот, — ответил врач и довольно усмехнулся. — Просто я не хочу быть единственным ослом, которого вы ночью вытаскиваете без всякой причины из постели!

Первая страница обложки. Самый счастливый день Натальи.

Фото В. САННА

(Снимок с фотоматериала «Семейства в действии».)

<p>ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ: Москва, А-47, Вулянский пр., 14.</p>	<p>Главный редактор В. И. Савочкин. Редакколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Демьятовской, К. И. Зыковичи, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Кочетов, Б. П. Кривосий (ответственный секретарь), Е. М. Рабинович, А. В. Ступов.</p>	<p>Формирование О. Безуголова. Технический редактор А. Шагарина.</p>
<p>ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ: Для справок — Д 3-30-67; отдел литературы и искусства — В 8-61-63; отдел очерков и публицистики — Д 3-31-09; жоурналистика — Д 3-31-56; фотоматериалы и спорт — Д 3-30-97; прием — Д 3-30-97; редакционная контора — Д 3-31-65; информация — Д 3-31-69; оформление — Д 3-31-31.</p>	<p>Репродукции не возвращаются.</p>	<p>А 01533 Подписное и печать БУТ 1964 г. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 601. Знака № 641. Формат печат. 70 x 100% 2 оум. л. — 3,46 печ. л.</p> <p>Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.</p>

Малышки

Слова В. КОВАЛЕНКО.

Музыка И. ГОРИНА.

Есть маленький город в России.
На улицах травы в росе.
Их толпуч малышкин босые,
И он был танки, как все.

Припев:

А годы бегут...
Малышкин растут...
И время малышкин зовёт;
В полет, в полет, в полет!

Он стал настоящим рабочим.
Ему похрился металл,
Но чистую, звездно ночью
Он дерзко о звездах мечтал.

Припев.

И вот прокатилась по миру
Великих свершений молва.
Что и звездам малышкину-задуму
Родная страна подана.

Припев.

В России есть маленький город,
И улица там пролегла.
Малышкиным, именем гордым
Россия его назвала.

Припев.

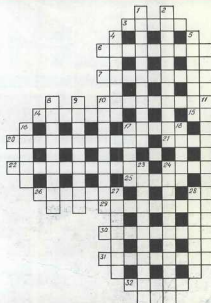
ВАЛС. НАПЬЕВО.

ОЛЕНЬ, КЛИ ЧАСТЬ ГОЛОСОС.

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:
3. Приток Днестра. 6. Автор повести «Синяя тетрадь». 7. Естественная группировка растений в природе. 10. Город в Казахстане. 14. Северное созвездие. 15. Зубатый кит. 17. Документ на право проезда. 20. Способ заготовки и хранения сочных кормов. 21. Высота звуков музыкального лада. 22. Вещество, ускоряющее химическую реакцию. 24. Наука о природных химических соединениях. 25. Высокогорный нации в СССР. 26. Сельскохозяйственная машина. 28. Действующее лицо повести А. С. Пушкина «Напчатская дочка». 29. Иностранине. 30. Разряд, группа однородных предметов. 31. Самое большое озеро в Центральной Америке. 32. Серый или железный колчедан.

По вертикали:
1. Совокупность знаний, полученных в учебных заведениях. 2. Независимость, самостоятельность государства. 4. Хлопчатобумажная ткань с рельефным рисунком. 5. Город на Кольском полуострове. 8. Рассказ М. Горького. 9. Русский архитектор XVIII—XIX веков. 10. Птица, гнездящаяся в камышах. 11. Род войск. 12. Государство в Центральной Америке. 13. Русский ученый-эцилопедист XVIII века. 16. Западная часть Азовского моря. 17. Сумма или разность двух алгебраических выражений. 18. Персонаж оперы Р. Леонавалло «Паяцы». 19. Фаза периодического колебания уровня океана. 23. Восстановление свойств отработанных материалов. 24. Географическая область в среднем и нижнем течении рек Тигр и Евфрат. 27. Дубина. 28. Наименьшее количество.

Составил Р. МУХАРЯМОВ
г. Вышний Волочек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЧАТНЫЙ В № 6

По горизонтали:

1. Спелус. 4. Ганс. 6. Рипин. 9. Того. 10. «Лена». 11. Рим. 12. Рубо. 13. «Соната». 14. Иран. 16. Ветт. 18. «Врусли». 21. Урсен. 24. Гаагудон. 25. Ларс. 28. Анити. 30. Ливия. 33. Тако. 37. Трула. 38. Влоуа. 39. Волга. 40. Гудон. 43. Кланет. 47. Урик. 48. «Маль». 49. Урик. 50. Визе. 51. «Тум». 52. Обон. 53. Тахи. 54. Деон. 55. Йор. 56. Визе.

По вертикали:

1. Слобод. 3. Наму. 3. «Сторч». 4. Тондрия. 5. Словениа. 6. Растр. 7. «Ламе». 8. Навач. 13. Рита. 17. Туа. 19. Роза. 20. «Алгебра». 22. Гарибальди. 25. «Айва». 28. Диег. 29. Альт. 27. Нана. 29. Ноби. 31. Аиму. 33. Раинция. 34. Парамитр. 36. Урик. 37. Ноби. 38. Ветт. 40. Рауна. 43. Пудон. 42. Купон. 44. «Лессе». 45. «Рубан». 46. Труа.

РАССКАЗЫВАЮТ ПОЧТОВЫЕ МАРКИ...

Сначала немного истории. В 1843 году Россия одной из первых европейских стран установила единый почтовый тариф, а спустя пять лет стал знаком почтовой оплаты стал штемпель, напечатанный на конверте. Первая русская почтовая марка была выпущена в 1857 году. Появились страстные почтовые коллекционеры — филателисты. Одним из первых русских филателистов был адмирал В. В. Бундурев, командир героического крейсера «Варяг».

Почтовые марки, казенный и однообразный образ, двуглавого орла или портреты царской фамилии. И только в советское время марки заговорили — по-настоящему — стали отражать многогранную жизнь советского народа.

В 1921 году была выпущена первая марка РСФСР, а в 1923 году — первая марка СССР. Каждая советская почтовая марка — своеобразный документ эпохи. Особенно ценны для коллекционеров тематические выпуски марок, дающие самое широкое представление о тех или иных исторических событиях.

С того дня, когда в небо устремился первый искусственный спутник Земли, в жизни нашей страны и всего человечества началась новая эпоха — изучения и завоевания космического пространства. Этой теме посвящено уже более ста почтовых марок. В их создании участвовали художники И. Левин, В. Завьялов, А. Завьялов, С. Боролин. Собранные воедино, эти марки, словно живой красочный рассказ, повествуют о важнейших этапах штурма космоса советской наукой, об исторических подвигах наших славных космонавтов.

Этому событию посвящены предлагаемые вниманию читателей марки из новой коллекции. В. ФИЦЕ

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820